

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»
Факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра теории и практики журналистики

**Проблемы соблюдения профессиональных стандартов в журналистской
профессии: правовой и этический аспекты**

выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Выполнила студентка
2 курса, группы 878 М
Усольцева Валерия Евгеньевна

(подпись)

Научный руководитель,
доктор филос. наук,
профессор
Фотиева Ирина Валерьевна

(подпись)

Допустить к защите
зав. кафедрой
Лукашевич Елена Васильевна

(подпись)

« ____ » _____ 2019 г.

Выпускная
квалификационная
работа защищена
« ____ » _____ 2019 г.

Оценка _____

Председатель ГЭК
Пашаева Ольга Александровна

(подпись)

Барнаул 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	8
1.1. Профессионально-этические стандарты журналистской профессии.....	8
1.2 Правовые основы функционирования сферы средств массовой информации в России.....	18
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	34
2.1. Нарушение профессионально-этических стандартов российскими журналистами.....	34
2.2.Нарушение правовых норм российскими журналистами.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	81

ВВЕДЕНИЕ

Среди различных регулятивов сферы средств массовой информации можно выделить два взаимосвязанных уровня: правовой и профессионально-этический. В своей профессиональной деятельности многие журналисты либо сталкиваются с нарушением правовых и этических стандартов своими коллегами, чиновниками и другими лицами, либо сами допускают подобные нарушения, что, в свою очередь, влечет за собой негативные социальные следствия.

Весьма часто данные нарушения со стороны самих журналистов оправдываются принципом свободы и независимости журналистики, которая является основой функционирования средств массовой информации в правовом государстве. Но эта свобода не означает произвола; она должна идти рука об руку с ответственностью, прежде всего, правовой и этической. Чем больше свободы действий предоставлено журналистике, тем больше ее возможность влиять на общественную жизнь. Соответственно, тем выше мера ее ответственности за характер и последствия использования этой свободы.

На этой почве постоянно возникают конфликты между редакциями средств массовой информации и представителями аудитории. Эти конфликты все чаще становятся предметом специальных разбирательств в соответствующих правовых и профессионально-этических инстанциях, что, в целом, является благоприятной тенденцией, свидетельствующей о росте гражданского самосознания аудитории, готовности отстаивать свои права и интересы. Но, с другой стороны, это говорит и о том, что правовая и этическая грамотность самих представителей средств массовой информации находится далеко не на должном уровне.

Поэтому представляется актуальным проведение анализа правовых и профессионально-этических конфликтов в российской журналистике; выявление преобладающих конфликтогенных ситуаций, наиболее часто

встречающихся причин нарушения правовых и этических норм, что позволит в дальнейшем выработать соответствующие рекомендации.

Степень разработанности проблемы исследования:

Исследованию правовых аспектов темы данного исследования посвящены работы Беспаловой А.Г., Ворошилова В.В., Корконосенко С.Г., Копылова В.А., Лазарева В.В., Михайлова С.М., Прохорова Е.П., Поздникиной П.Ю., Рихтера А.Г., Симонова А.К.

Профессионально-этические вопросы и проблемы саморегулирования журналистской деятельности освещены в трудах Белашовой М.С., Винокурова А.Г., Катеневой И.Г., Короченского А.П., Киричек П.Н., Лазутиной Г.В., Письменной Е.В., Панченко А.О., Саттарова А.А., Толкачева К.Б.

Кроме этого, в изучении данной проблемы опора осуществлялась на профессионально-этические документы российской журналистики и на действующее законодательство о средствах массовой информации.

Объектом исследования являются правовые и этические регулятивы журналистской сферы в России.

Предметом исследования являются типичные нарушения правовых и этических норм, допускаемые российскими журналистами.

Целью данного исследования является выявление основных типов правовых и этических конфликтов и причин их возникновения в российской журналистике.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Дать обзор основных принципов и норм профессиональной этики журналиста.
2. Охарактеризовать правовое поле функционирования российской журналистики; выявить основные пересечения правовых и профессионально-этических нормативов.
3. Проанализировать жалобы, направленные в Общественную коллегия; выявить наиболее частотные нарушения.

4. Изучить судебные дела и решения и выявить наиболее частотные иски к СМИ.

5. Провести сравнительный анализ типов правовых и этических конфликтов.

Методология и методы исследования. В исследовании применялась комплексная методология, включающая общенаучные методы, системно-структурный метод при анализе законодательства РФ и системы профессионально-этических кодексов; сравнительно-сопоставительный анализ для выявления точек пересечения используемых норм нормативно-правовых актов и профессионально-этических норм; качественный анализ судебных и профессионально-этических случаев нарушения журналистами своих профессиональных прав.

Гипотеза исследования: в сегодняшнем российском медиапространстве наиболее частотными являются конфликты, связанные с нарушением журналистами принципа объективности информации.

Эмпирическую базу исследования составили судебные заключения по искам к СМИ и решения Общественной коллегии по жалобам на прессу за период с 2016 по 2018 годы.

Положения, выносимые на защиту:

1. К числу наиболее общих профессионально-этических принципов относятся требования объективности/достоверности информации; недопущения нарушения прав личности; недопущения дискриминации по полу, расе, национальной или религиозной принадлежности; использование достойных методов при получении информации. Как показало исследование, наибольшее число конфликтов в данной сфере связано с нормами, защищающими права личности. При этом чаще всего так или иначе нарушается и принцип объективности по отношению к данной личности.

2. Анализ судебных исков выявил схожую картину: наибольшее число исков также связано с комплексом норм, касающихся защиты прав личности: умышленной и неумышленной диффамацией, порочащей честь,

достоинство и деловую репутацию, нарушением норм, связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной; распространением не соответствующих действительности сведений, защитой права на изображение и имя.

3. Если оставить в стороне умышленные нарушения данных принципов, допускаемые рядом журналистов с целями привлечь массовую аудиторию, то одной из главных причин преобладания данного типа конфликтов является сложность соблюдения баланса между общественным интересом к частной жизни персоны и ее законным правом на защиту своей частной жизни. Необходимо четко проводить отличия между фактами, способными быть полезными для общества, и обнародованием подробностей частной жизни того или иного лица. В первом случае СМИ обеспечивают аудиторию информацией, представляющей общественный интерес, а во втором случае речь идет лишь об удовлетворении любопытства определенного сегмента аудитории.

4. Можно отметить, что многие журналисты испытывают трудности с определением границы между оценочными суждениями, с одной стороны, и оскорблениями и клеветой – с другой. Нарушение данной границы в ту или другую сторону приводит либо к нарушению прав личности, либо же к тому, что у СМИ отнимается свобода выражать свое мнение, оценку того или иного лица или ситуации. При этом недобросовестные представители СМИ могут пользоваться своеобразной лазейкой закона и представлять порочащую гражданина информацию как оценочные суждения.

5. Выбор инстанции, в которую обращается заявитель (судебные органы или общественные журналистские организации, занимающиеся анализом этических конфликтов), зависит от многих факторов. Можно отметить, что при обращении в Общественную коллегия по жалобам на прессу основным мотивом является получение моральной сатисфакции, «морального оправдания» в глазах друзей и коллег. Играет роль также развитое гражданское сознание: заявителю важно, чтобы профессиональное

сообщество приняло решение, что определенный материал не соответствует профессиональным этическим стандартам. Существование таких структур, как Общественная коллегия, – свидетельство взросления как медиа-сообщества, так и гражданского общества в целом.

Практическая значимость полученных результатов определяется возможностью их использования журналистами в своей профессиональной деятельности, они также могут быть использованы в регулировании отношений в информационной сфере, в учебном процессе при преподавании курсов «Правовые основы журналистики», «Профессиональная этика журналиста».

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и библиографического списка.

Новизна исследования заключается в попытке выделения основных типов нарушения правовых и этических конфликтов, а также обнаружения их точек пересечения между собой.

ГЛАВА 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Профессионально-этические стандарты журналистской профессии

Этика (от греч. *etos* «обычай») – это наука, которая изучает, формулирует теоретические основы и требования морали (лат. *mores* — «нравы») как сферы индивидуальной и общественной регуляции деятельности людей. В отличие от различных юридических норм, требования морали не формулируются в законодательных актах, хотя служат одним из управляющих факторов в поведении людей. Требования морали формируются в процессе общественной практики, а контроль за их выполнением осуществляется посредством общественного мнения и различными сообществами (в журналистике – журналистскими), трудовыми коллективами. Порой на их основах создаются «суды чести» или иные органы, которые действуют на общественных началах. Для разрешения ситуаций морального выбора профессиональная этика предлагает создание рекомендаций. Основания для выводов о степени моральности поведения журналиста дает соответствие или несоответствие этим рекомендациям.

Аргентинский писатель Габриэль Гарсиа Маркес в своем сочинении о проблемах журналистики писал следующее: «В журналистской профессии профессионализм и этика неразделимы так же, как жужжание и муха» [Цит. по: Прохоров 2011, с. 98]. Само понятие профессиональной этики журналиста имеет разные аспекты. Во-первых, это наука о нравственных гранях работы журналиста, об отличительных свойствах профессиональной морали. Во-вторых, в повседневной жизни понятие «профессиональной этики» интерпретируется как свод правил и норм профессиональной морали, как синоним кодекса журналиста. Происходит это вследствие того, что нормы журналистской морали формировались, с одной стороны, под

воздействием издателей, журналистских корпораций, с другой стороны, ученых.

На западе к числу наиболее исследуемых относятся проблемы, связанные с нормированием профессиональной журналистской деятельности, однако в отечественной науке они наименее осмыслены. На сегодняшний момент, когда от индивидуального выбора журналиста зависят расставляемые акценты, в рамках высокой степени социальной напряженности в России, многократно возрастает ответственность журналиста за распространяемую им информацию. По этой причине журналистская этика является одной из самых актуальных дисциплин в изучении журналистики.

Дискуссии о нравственных и духовных основах журналистской деятельности начались уже в 18 веке. Предметом дискуссии являлся свод правил «честной литературной борьбы». Согласно этому специфическому кодексу этики, «журналист не может быть уважаем в обществе, если он искажает истинную картину событий, допускает резкие выражения в чей-либо адрес без достаточных оснований, сопровождает критику бранью, нагнетает обстановку и способствует распространению разрушительных идей в обществе, упрекает своего оппонента за его происхождение, религию, национальность» [Киевские университетские известия 1879, с. 279-282].

К большому сожалению, после принятия правил пресса много раз нарушала их. Это приводило к понижению доверия читателей к газетам в начале 20 века. Во времена конфликтов и войн, социальных и политических кризисов деятельность журналистов показала, что информация может быть опасным оружием и способна манипулировать общественным сознанием.

Цель профессиональной этики журналиста – обеспечить морально безупречное выполнение профессиональной роли в соответствии с общепринятыми этическими принципами. Однако стоит отметить, что нормы этики отображают лишь настоятельные рекомендации. Журналист сам в каждой конкретной ситуации принимает решение, следовать ли им. На

практике предполагается определенная свобода нравственного выбора, при котором возможны изменения степени правоты и неправоты, поскольку универсального решения на все случаи жизни отыскать невозможно.

Согласно принципам журналистской этики, журналист обязан в своей деятельности «говорить только правду и ничего, кроме правды». Также немаловажный принцип журналистской этики можно сформулировать следующим образом: «Должно подкрепляться фактами любое утверждение, способное причинить вред другому лицу». Выполнение этого правила является своеобразной страховкой журналисту и в том случае, если читатель подаст заявление в суд, посчитав, что его честь и достоинство уязвлены. В принципе, подготавливая материал, необходимо выяснять все неясные детали и давать оценку только тому, в чем полностью уверен. Пока все факты не будут собраны, свое мнение излагать нельзя, в этом случае работает принцип «презумпции невиновности» [Колесникова 2008, с. 85].

Содержание норм профессиональной этики журналиста отражено в кодексах. Первым свод этических правил разработало в 1918 г. Национальное объединение профсоюзов журналистов Франции под названием «Кодекс профессиональных обязанностей французских журналистов». Этот кодекс самыми серьезными профессиональными преступлениями провозглашал ложь, искажение фактов, подделку документов, необоснованные обвинения и клевету. Данный документ представляет общие сведения, не углубляясь в частности, делая акценты на честность журналиста в сфере распространения и приобретения информации. Далее в мире шел активный процесс кодификации, и сегодня в подавляющем большинстве стран приняты кодексы профессиональной этики. В целом, можно выделить несколько основных уровней данных кодексов: международные, национальные, региональные и редакционные. Примером наиболее известных международных кодексов служат «Международные принципы профессиональной этики журналиста». Их создатели пришли к общему мнению, что с опорой на данные принципы должны создаваться уже

национальные, региональные и редакционные кодексы, однако каждая организация будет принимать их в такой форме, в какой сочтет приемлемым для своих участников.

В России первый кодекс профессиональной этики журналистов был создан 3 июня 1991 Союзом журналистов РФ. Кроме этого, в РФ далее был принят еще целый ряд кодексов.

Помимо российских и международных документов общего характера, также существуют узконаправленные кодексы. Таким примером является декларация Московской хартии журналистов. В ней рассматриваются вопросы ответственности, клеветы, плагиата, злоупотребления служебным положением и политической предвзятости. В «Российской хартии телерадиовещателей», в отличие от множества других документов, больше внимания уделяется языку эфира, контролю за сценами жестокости.

Самыми главными пунктами любого кодекса, несмотря на различия, являются пункты о правдивом и честном распространении информации, работе в интересах общества, а не третьих лиц. Данные правила не являются однозначным требованием, «кодекс чести журналиста» присутствует у любого издания, но при этом в большинстве своем правила идентичны. Часть правил опирается на волю журналиста, однако и законодательство требует следовать многим из этих правил: не призывать к нарушению закона, не распространять клевету и т.д. На наш взгляд, наиболее точно сформулировал принцип «кодекса чести журналиста» британский журналист Дэйвид Рэндалл. Он говорил, что «каждый уважающий себя журналист должен придерживаться свода правил, (либо стыдиться того, что не придерживается)» [цит. по: Письменная 2004, с.112].

Кодексы, наряду с советами СМИ, являются формой саморегулирования журналистики. На сегодняшний день идет много споров вокруг саморегулирования СМИ. Эксперты в сфере права СМИ заявляют, что под саморегулированием стоит понимать только добровольные способы влияния на СМИ, иначе говоря, те, которые являются производной

свободного волеизъявления журналистов. Последователи вышеуказанной теории отклоняют попытки обязать СМИ на законодательном уровне к созданию органов саморегулирования.

Иные подходы не отрицают возможности существования «законодательного саморегулирования», то есть учреждения органов саморегулирования СМИ на законодательном уровне. Противники полагают, что это будет являться серьезным барьером для развития демократических институтов. Также имеется третья теория, которая строится на понятии «законодательного каркаса». В этом случае в закон включатся основные принципы саморегулирования.

«Саморегулирование СМИ – это совместные усилия профессионального сообщества средств массовой информации по добровольному определению принципов, руководящих работой редакции, и их соблюдению в открытом процессе информирования общественности. При этом независимые СМИ берут на себя долю ответственности за качество общественного дискурса в стране при полном сохранении редакционной самостоятельности в его формировании» – такое определение саморегулированию СМИ дает М. Харасты, представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ [Харасты 2008, с.113]. По нашему мнению, данное определение наиболее точно отражает суть саморегулирования, поскольку саморегулирование – это не цензура и не самоцензура. Саморегулирование заключается в обозначении и выполнении принципов журналистской этики при условии полного сохранения редакционной свободы того, что сообщать читателю и какие высказывать точки зрения.

В своем труде «Положительные стороны саморегулирования СМИ. Сбалансированность прав и ответственности» М. Харасты указывает 5 причин для развития саморегулирования СМИ:

1. Оно сохраняет редакционную свободу.
2. Оно помогает минимизировать вмешательство государства.
3. Оно содействует повышению качества СМИ.

4. Оно служит свидетельством ответственности СМИ.
5. Оно способствует доступу читателей к СМИ [Харати 2008, с.115].

Саморегулирование СМИ зависит от множества факторов: от вида государственного управления, уровня развития демократических институтов, моральных, нравственных, культурных, исторических и иных свойствах определенного государства и общества. Данные факторы и есть первопричины законодательного или добровольного саморегулирования СМИ.

Как уже сказано, можно выделить наиболее влиятельные в международном сообществе способы саморегулирования СМИ: профессиональные кодексы этики, независимые советы СМИ. Советы СМИ – это выполняющие этическое управление СМИ журналистские общественные организации. Продолжительное время советы СМИ работали только в виде советов прессы, однако с возникновением электронных СМИ возникли аналогичные внутрикорпоративные структуры. Чтобы совет стал саморегулирующей организацией (далее СРО), он должен быть свободным от юридических и политических систем. По этой причине любая организация, которая входит в состав государственных структур, не может являться советом СМИ.

Первые советы, как и первые кодексы этических норм, появились в начале прошлого столетия. Например, в 1916 году возник «Суд чести» в Швеции, затем в течение нескольких лет такие же советы появились в Норвегии и Финляндии. Становление советов достигло пика после Второй мировой войны, в шестидесятые годы. Тогда многие созданные советы начали процесс пересмотра своей структуры и деятельности.

Стоит отметить, что между различными медийными советами имеется большая разница, однако они ставят перед собой схожие задачи: защита общества, аудитории, ответственности за содержание, источники информации от нечестности и недоброкачества СМИ. Советы дают право обществу сообщать свои позиции в определении границы деятельности

СМИ путем приема жалоб на случаи недобросовестной работы журналистов и невыполнения ими этических норм. Советы изучают жалобы общества, выносят и широко публикуют свои решения. Помимо того, что советы занимаются защитой прав общества, также они занимаются защитой самих СМИ. В данном случае речь идет о защите от отдельных лиц или групп, общественных организаций и государственных органов. Таким образом, появляется возможность повысить ответственность СМИ без всякого вмешательства со стороны официальных структур с помощью саморегулирования.

Созданию большинства первых советов, включая совет в Швеции, положило начало давление со стороны общественности. Многие независимые советы были основаны журналистами или в сообществе издателей, или независимо от них. Как правило, советы складываются из различных представителей данных групп. Они назначаются национальными ассоциациями журналистов и издателей. Также в советы входят представители общественности.

К советам СМИ в РФ можно условно отнести начавшую функционировать в 1994 году Судебную палату по информационным спорам при президенте Российской Федерации (СПИС) в 1994 году. Условность здесь заключается, легко понять, в том, что СПИС не была независимой общественной организацией. Главными направлениями ее деятельности являлось повышение качества работы СМИ, защита прав журналистов и свободы слова. СПИС могла делать заявления по рассматриваемым спорным вопросам, однако собственные ресурсы принуждения отсутствовали. СПИС могла отправлять в суд предложения о закрытии СМИ; отправлять в прокуратуру материалы в отношении СМИ; отправлять в профильные органы предложения о вынесении предупреждений редакции СМИ и учредителям. Позволили сделать эффективной работу СПИС полномочия и обязанность государственных органов и СМИ отвечать в регламентированные законами сроки. Решения СПИС публиковались в

государственной «Российской газете». СПИС за время существования вынесла 180 решений и была упразднена в процессе формирования правительства нового президента РФ В.В. Путина.

Следующим витком развития советов можно считать созданное в 1998 г. на очередном съезде Союза журналистов РФ Большое Жюри. В состав Большого Жюри входили известные представители журналистики, издательств, а также общественности. Большое Жюри, в первую очередь, создавалось как орган корпоративного саморегулирования. Большое Жюри — это корпоративный гражданский институт общества, который рассматривает «конфликтные ситуации нравственно-этического характера, возникающие в журналистском сообществе в связи с исполнением журналистами своих профессиональных обязанностей», — так гласит его положение, утвержденное 5 февраля 1999 г. Федеративным Советом Союза журналистов России [Лазутина 2000, с. 89]. Так как Большое Жюри было определено как уставной орган различных журналистских объединений, оно использовало различные кодексы и международные документы норм журналистской этики. Решения Большого Жюри публиковались на официальном сайте и в изданиях «Журналистика и медиарынок» и «Журналист». Однако о его работе почти не было известно широкой общественности, что выражалось в небольшом объеме жалоб, которые поступали в Жюри. Не только общественность была не осведомлена о работе Большого Жюри, но даже представители медиаиндустрии. Поэтому оно показало себя малоэффективным органом саморегулирования, и 6-8 дел, которые оно ежегодно рассматривало, не является хорошим показателем для такой огромной страны, как Россия.

Функции Большого Жюри были переданы созданной в 2005 году Общественной коллегии по жалобам на прессу, также при СЖ РФ. Большое Жюри стало исполнять роль дисциплинарной комиссии Союза журналистов РФ.

Общественная коллегия по жалобам на прессу существует как независимый орган общества, который осуществляет саморегулирование СМИ. Коллегия рассматривает жалобы аудитории СМИ, и главная задача, которую решает коллегия, это досудебное разрешение конкретных конфликтных ситуаций. Коллегия занимается рассмотрением информационных конфликтов, которые связаны с нарушением норм журналистской этики и касаются прав человека в СМИ. Рассмотрение конфликтов происходит в обстановке открытости и равноправия. Решения коллегии публикуется на официальном сайте. Данные решения отправляются в общественные организации, органы государственной власти, местного самоуправления, физическим и юридическим лицам.

На самом деле следование правилам журналистской этики позволяет журналисту избежать потенциальных проблем с законом, благоприятно влияет на репутацию, позволяет сохранить самоуважение и не потерять честь. К сожалению, это требуется не всем. Ярким примером являются «желтые» газеты, которых не отличаются профессионализмом и высокой моралью, но пользуются спросом у населения. «Желтые» газеты выпускаются не только в России, но и в других странах. Однако стоит акцентировать внимание на том, что действительно профессиональный журналист, либо начинающий журналист, стремящийся стать профессионалом, осознает свою ответственность перед аудиторией и будет стремиться не нарушать правила профессиональной этики.

Жесткий список правил «кодекса чести журналиста» отсутствует, однако можно подчеркнуть главные нормы, которые объединяются в группы в зависимости от области профессиональных отношений. Например, Лазутина Г.В. выделяет следующие группы: журналист – коллеги; журналист – герой публикации; журналист – источник информации; журналист аудитория; журналист – власть [Лазутина 2013, с.46]. Как говорил А. Симонов, председатель фонда защиты гласности: «Если кодекс вашей компании будет заключаться всего в двух словах: «Не врать», я скажу, что

это очень трудный, но замечательный кодекс, что вы осмысленно, жестко и четко подошли к выполнению своей журналистской задачи, поставили себе невероятно высокую этическую планку и если вы сможете это требование к себе хотя бы от части выполнять, так я буду вами просто восхищаться» [цит. по: Лазутина 2000, с. 145].

Стоит отметить, что нормы этики и правовые нормы имеют как общие, так и отличительные черты. Рассмотрим это на примере анализа Корконосенко С.Г., который произвел их сравнение по ряду параметров:

1. Близость этики и права состоит в первую очередь в том, что они имеют нормативный характер. Разность заключается в том, что этические нормы разрабатываются в рамках журналистских сообществ, источником правовых норм служат государственные органы законодательной власти. Иначе говоря, этические регулятивы имеют внутренний характер, а правовые – внешний.

2. Близость этики и права также проявляется в том, что невыполнение норм и в том, и другом случае приводит к наказанию виновника. Разность заключается в том, что нарушение этических норм контролируется общественными органами и приводит к потере репутации и доверия аудитории к конкретному журналисту, изданию.

Следствием этого является потеря заинтересованности среди рекламодателей, за счет которых и осуществляют деятельность издания. Нарушение же правовых норм предусматривает принудительного наказания и поддерживается государством, правоохрнительными структурами и является обязательным.

3. Этические нормы существуют не только в письменном виде, но также в виде общепринятых принципов поведения, традиций и устных договоренностей. В свою очередь законы и иные правовые акты имеют силу только после их официальной публикации.

4. Для этических норм характерна избирательность, в то время как правовые нормы носят всеобщий характер, как, например, закон «О

средствах массовой информации». Правовые нормы должны исполняться всеми гражданами и организациями, и территориально действуют по всей России [Корконосенко 2000, с. 152].

Различия в правовых и этических нормах обусловлены в первую очередь в том, что на законодательном уровне невозможно закрепить все положения. Система законодательства на практике является несовершенной и неполной и не способна предусмотреть все частные случаи.

1.2. Правовые основы функционирования сферы средств массовой информации в России

В связи с возрастанием роли и места информации в обществе роль правового регулирования ее потоков возрастает. Прежде чем перейти к исследованию правовых основ регулирования деятельности СМИ в настоящее время, остановимся кратко на истории вопроса в России.

В 1702 году Петром I издан Указ об основании в России газеты «Ведомости». Ее задачей было служить об «извещении о заграничных и внутренних происшествиях». Государственные учреждения обязаны были предоставлять в газету информацию о своей деятельности для последующей публикации [Западов 1973, с. 20]. Это можно считать первой попыткой предотвратить злоупотребление печатным словом посредством установления контроля над выпуском газеты. Но в то же время не имея желания видеть на страницах газет и журналов критику в свой адрес, правительство использовало законодательство о СМИ для ограничения свободы слова. Законодательство о СМИ в России развивалось в первую очередь как «цензурное» право.

Цензура продолжала расширяться при Павле I. В 1797 году он обязывает все сомнительные книги представлять на рассмотрение Совету его императорского величества. Остальная цензура вверяется 3-му департаменту

Сената. Таким образом учреждается новая цензурная инстанция, и литература подвергается непосредственному надзору правительства. Под влиянием важных факторов — революции во Франции, представлявшей своими идеями, в том числе распространявшимися с помощью прессы, угрозу существованию царской России – Павел I создает цензурные учреждения во всех портовых городах. Также он вводит запрет на ввоз из-за границы печатных изданий и музыкальных нот. Период царствования Павла I считается самым трудным для развития отечественной периодики и книгоиздания [Западов 1973, с. 23].

После того как на престол взошел Александр I, в общественной жизни России наблюдается оживление: положение прессы и литературы немного смягчается. Министерству просвещения было передано ведение цензурой. В 1804 году принят Устав о цензуре, пусть и сохраняющий предварительную цензуру, но разрешающий толковать спорные вопросы в нужном для автора ключе. И хотя несоблюдение требований Устава преследовалось в судебном порядке, но сам механизм судебной защиты отсутствовал, что естественным образом не могло не приводить к произволу.

В 1826 году Николай I ввел новый устав о цензуре, получивший название «чугунного». В отличие от Устава 1804 года, в нем не разрешалось пропускать в печать текст, который можно было бы истолковать двояко, а также запрещено обозначать точками текст, вычеркнутый цензорами. В 1828 году в новый устав были внесены некоторые изменения, но из-за расплывчатых формулировок цензоры могли интерпретировать их в свою пользу. В 30-е годы вводится ряд дополнительных ограничений в области печатного слова. С 1832 года право на разрешение печати новых изданий принадлежит только царю. В 1836 году министр просвещения Уваров издает циркуляр о том, что «представление о дозволении новых периодических изданий на некоторое время запрещается» [Прохоров 2011, с. 161].

В 1865 году в России приняли первый закон о печати. Он носил временный характер и назывался «Временные правила о печати». По

содержанию реформа печати была либеральной – предварительная цензура отменялась для столичных журналов и газет, книг объемом более 10 печатных листов. Наблюдение за периодической печатью передавалось из Министерства просвещения в Министерство внутренних дел. Устанавливалась ответственность печати перед судом. В 1882 г. ввели новые правила, которые назывались «Временные правила». Они утвердили полный административный контроль над прессой. Право прекратить деятельность любого периодического органа, лишить издателей и редакторов продолжать работу, если она будет признана «вредной» было передано Совещанию четырех министров [Есин 2000, с. 90]. После первой русской революции специальный указ от 24 ноября 1905 года декларировал устранение административного вмешательства в дела прессы. Происходило постепенное восстановление порядка судебной ответственности за нарушения в печати. Наряду с этим, главное управление по делам печати при МВД и полиции имело право как конфисковать номера, так и приостанавливать нежелательные издания и закрывать типографии. Война 1914 года внесла определенные коррективы в положение печати. С начала военных действий правительство ввело военную цензуру, которая распространялась на все фронтовые и прифронтовые губернии. Деятельность таких военных газетчиков была строго регламентирована.

В 1918 г. после принятия Конституции РСФСР в правовой системе сложилась традиция рассматривать деятельность печати исключительно с классовых позиций. СМИ обязаны были выполнять роль коллективного агитатора и организатора, так как законодательное оформление отношений прессы с государством и обществом отнюдь не было в интересах правящей партии.

В целом, как уже сказано, законодательство о СМИ в России имело, в основном, запретительный характер. Хотя Конституция СССР 1977 года и гарантировала свободу печати, но юридическое содержание данного понятия не определяла. На практике те законодательные нормы, которые должны

были гарантировать свободу печати, часто использовались для борьбы с инакомыслием, в частности, с диссидентами. Только в 1990 году была осуществлена первая попытка законодательного определения понятия «свобода печати» в первой статье Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», где было сказано, что «печать и другие СМИ свободны» [О печати и других средствах массовой информации» 1991, www].

Свобода слова и свобода печати, провозглашенные Конституцией СССР, означали теперь право на высказывания мнений и убеждений, поиска, выбора, получения и распространения информации и идей в любых формах, включая печать и другие СМИ. То есть определилось понятие свободы печати, и оно включало в себя три компонента: свобода СМИ, право граждан на свободу слова и недопустимость цензуры.

Мы можем подвести итоги: во-первых, советское законодательство о СМИ, сохранило во многом запретительный характер, но одновременно направляло СМИ на более активную роль – агитатора и пропагандиста коллективных действий; во-вторых, будучи демократически декларированным, это законодательство не предусматривало осуществление демократических идей на практике. Эти недочеты в основном были преодолены в российском Законе «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года, где понятие свободы массовой информации и цензуры определено более полно, что, в конечном итоге, приводит к пониманию объема правомочий по принципу «все, что не запрещено, то – разрешено» [«Наука о человеке» 2009, с. 121].

Конечно, в ст. 1 российского Закона о СМИ даны лишь контуры понятия свободы массовой информации. Раскрытие данного термина происходит на протяжении всего законодательного текста. Но вместе с тем зафиксировано главное: свобода информации, право частной собственности на СМИ, свобода экономической деятельности в сфере массовой информации.

Таким образом, изменение политического строя естественным образом предопределило и характер изменений в законодательстве о СМИ. В новых условиях свобода является главным условием функционирования СМИ в правовом государстве. Без свободы невозможен равноценный диалог между индивидами, обществом и властью. По-новому выстраиваются и отношения СМИ с государством. Правовое регулирование в сфере массовой информации, с одной стороны должно быть направлено на обеспечение благоприятных условий для функционирования СМИ как института демократии, а с другой, – охраны интересов личности, общества и государства, прав юридических и физических лиц. Право должно коснуться всех общественных отношений в данной сфере, но не обязательно в смысле их непосредственного регулирования, а в смысле, как минимум, их ориентирования на такие социальные ценности, как свобода выражения мнений, политическое и идеологическое разнообразие, честь и достоинство личности, свобода критики, право на доступ к информации и т.д. В этом плане особую роль играют нормы-принципы, которые содержатся в Конституции Российской Федерации и Законе о СМИ.

Главной основой свободы печати, как это следует из ч.4 ст.29 Конституции РФ, является право каждого человека искать и получать информацию. Данное право говорит о том, что государство и общественные организации обязаны предоставлять гражданам интересующие сведения о своей деятельности, если эти сведения не являются государственной тайной [Конституция РФ 2008, www].

Журналист точно так же, как и любой гражданин, обладает правом на доступ к информации, закрепленном в конституции РФ. К этому добавляется возможность журналиста оперативно получать и распространять значимые для общества сведения. Чтобы данная роль успешно выполнялась, законодательством предусмотрены специальные законы, позволяющие регулировать деятельность журналиста [Рихтер 2002, с. 57].

Основополагающим актом на сегодняшний день, регулирующим отношения государства со средствами массовой информации, является Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года [О средствах массовой... 2019, www].

Первая статья данного Закона раскрывает конкретное юридическое содержание «свободы массовой информации на территории Российской Федерации». Как следует из определения, свобода массовой информации включает в себя следующие основные правомочия, которые не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством РФ о средствах массовой информации:

- поиска, получения, производства и распространения массовой информации;
- учреждения средств массовой информации;
- владения, пользования и распоряжения СМИ;
- изготовления, приобретения, хранения и эксплуатации технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации [О средствах массовой... 2019, www].

В 1 части статьи 47 Закона о СМИ гарантируется право журналиста на поиск получение и распространение информации, а также о возможности излагать свои суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью, об отказе от материала, противоречащего его убеждениям [О средствах массовой... 2019, www].

Ряд положений Закона о СМИ в более концентрированном и масштабном виде отражен в Конституции Российской Федерации. Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, она включила свободу массовой информации в число основных прав и свобод человека и гражданина, применив для этого достаточно ёмкую формулировку: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»

[Конституция РФ 2008, www]. Из этого следует, что деятельность СМИ основывается на свободах, гарантированных в Конституции. Так, пункт 1 статьи 29 гарантирует каждому свободу мысли и слова; пункт 3 – недопустимость принуждения человека к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них; пункт 4 – право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Конституционные гарантии свободы массовой информации устанавливают ответственность должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей [Конституция РФ 2008, ст. 41, www]; свободу творчества и преподавания, охрану интеллектуальной собственности [Конституция РФ, ст. 44], открытость заседаний палат Федерального собрания [Конституция РФ 2008, ст. 100, www], открытость судопроизводства [Конституция РФ 2008, ст. 123, www] и др.

Политический плюрализм поощряет способность общества к саморазвитию, давая индивидам возможность формировать мнение, обсуждать и выбирать альтернативы поведения. По-новому выстраиваются и отношения СМИ с государством, а в 1 части статьи 47 Закона о СМИ закрепляется право журналиста искать, запрашивать, получать и распространять информацию, излагать свои суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью, отказаться от подготовки за своей подписью сообщения или материала, противоречащего его убеждениям.

Однако свобода СМИ вовсе не означает неприкосновенность в случае нарушения закона. То есть государство, с одной стороны, обеспечивает неподцензурность и свободу любых СМИ, зарегистрированных в установленном законом порядке, с другой, – обеспечивает собственную информационную безопасность. Для этого в России и был представлен Закон РФ «О средствах массовой информации». Основные направления правового регулирования отношений в области массовой информации:

- обеспечение гарантий свободы массовой информации; организация деятельности средства массовой информации; распространение массовой информации;
- отношения средств массовой информации с гражданами и организациями;
- права и обязанности журналиста;
- межгосударственное сотрудничество в области массовой информации;
- ответственность за нарушение законодательства о средствах массовой информации.

Но если рассматривать детально ситуацию в современном медиапространстве, то мы увидим большое число ситуаций, когда происходят нарушения этических и правовых норм. Одними из самых частотных нарушений являются, во-первых, нарушения принципа объективности, во-вторых, нарушения принципа неприкосновенности частной жизни, а также принципа недопустимости клеветы. Последние принципы являются маркером отношения государства к правам человека в целом, гуманности общества, адекватности оценки и соразмерности ограничений свободы и прав человека, вводимых государством, поэтому мы остановимся на них подробнее.

Стоит заметить, что в законодательстве РФ отсутствует общий закон о личном пространстве и частной жизни. Указанные вопросы регламентируются Конституцией РФ, Гражданским и Уголовным кодексами. Следующими положениями представлены законы о личной жизни гражданина:

1. Статья 23 Конституции РФ
2. Статья 152.2 Гражданского кодекса РФ об охране частной жизни
3. Статья 137 Уголовного кодекса РФ о нарушении неприкосновенности гражданина.

Статья 23 Конституции РФ регламентирует права гражданина на личную неприкосновенность, семейную тайну и защиту своего доброго имени и чести. Сюда входят определения сообщений личного характера, тайны переписки, телефонных разговоров. Предусматривается ответственность за нарушение данного права, а ограничения могут вводиться только решением суда [Конституция РФ 2008, www].

Статья 152.2 Гражданского кодекса регламентирует следующие области в неприкосновенности и защите частной жизни:

1. Без согласия гражданина запрещено собирать, хранить, использовать и распространять любую информацию о личной жизни. Это могут быть сведения о личной и семейной жизни, о месте проживания или пребывания, о его происхождении и т.д.

2. Сбор и хранение личной информации, а также ее распространение и использование возможно только в общественных и государственных интересах, а также случаях, когда гражданин либо сам опубликовал ранее данные, либо дал согласие на подобные мероприятия.

3. Неправомерным использованием нелегально полученной информации и нарушением его неприкосновенности будет являться использование данной информации в произведениях литературы, искусства, науки, при условии нарушения прав гражданина и его интересов.

4. Если нелегально полученная информация располагается на любых носителях информации, то согласно закону, гражданин имеет право требовать уничтожение всех сведений и их носителей через суд.

5. Также защиты частной жизни могут требовать его родители, супруг и дети в случае утраты жизни гражданином [ГК РФ 2019, www].

Статья 137 Уголовного кодекса РФ регламентирует следующие области в неприкосновенности и защите частной жизни:

1. Ответственность за нелегальный сбор, использование и распространение информации о личной и семейной жизни гражданина. Учитываются любые способы распространения информации.

2. Регламентируется ответственность за те же деяния с использованием служебного положения должностным лицом.

3. Ответственность за нарушение неприкосновенности и личного пространства несовершеннолетнего в случае получения физического и нравственного вреда от противоправного деяния [УК РФ 2019, www].

Данные положения регламентируют главное конституционное право гражданина – всяческая информация, которая составляет тайну его частной и семейной жизни, защищается законом. Разглашение может происходить только с согласия гражданина или постановлением через суд.

Для сравнения отметим, что эта же норма широко представлена в профессионально-этических документах. Так, в Хартии телерадиовещателей есть положение об «уважении и соблюдении неприкосновенности частной жизни. Сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица, включая аудиозапись, фото- и видеосъемку на частной территории, без его согласия не допускается» [Хартия телерадиовещателей, www]. Как и в случае правовых актов, невыполнение этого правила может быть оправданно только требованием необходимости защиты интересов общества или прав других лиц.

Анализ статистики судебной практики показывает, что защита чести и достоинства является популярной в большей степени у публичных деятелей, в то время, как среди основной массы населения – наоборот, самой непопулярной. Сложность отделения «частной жизни» от «общественной» не является веской причиной для нарушения права на приватность. Определение общественного интереса однозначно обозначает рамки между той частью личной жизни, которая не должна быть освещена, и той, освещение которой допустимо. Журналисты «желтой» прессы часто злоупотребляют своими правами в освещении жизни граждан. Стоит понимать, что публичные лица не имеют отличных прав на неприкосновенность к частной жизни от обычных граждан. Зачастую СМИ просто создают искусственный спрос на интерес к личности публичных

людей. Конечно, у общества существует определенный интерес к сенсационным вестям о личной жизни публичных людей, однако это не дает оснований лишать их прав на неприкосновенность частной жизни.

СМИ довольно часто представляют себя как весомый институт гражданского, демократического и открытого общества. Но следует понимать, что нарушение неприкосновенности частной жизни представителей общества дискредитирует само существование СМИ. К сожалению, очень часто журналисты нарушают эти и другие моральные принципы. Ярким примером можно считать фотографии с места аварии принцессы Дианы и смакование подробностей произошедшей аварии. Другой пример — это прослушивание бесед знаменитостей, политиков и прочих публичных людей журналистами газеты «New of the World», владельцем которой является медиамагнат Руперт Мердок [Жолудь 2012, с. 167-171].

Традиционными угрозами приватности могут быть: отсутствие норм корпоративной ответственности за нарушения; низкий уровень правовой культуры журналистов и ответственных чиновников; отсутствие норм поведения, традиций и культуры, связанных с необходимостью уважать права на частную жизнь. К новым угрозам приватности можно отнести: внедрение и распространение новых технологий для идентификации личности, определения месторасположения, слежки, средств коммуникации, таких как интернет и мобильная связь; ограничение анонимности при использовании сервисов и средств коммуникации, использование новых технологий для использования персональной информации, хранения и сбора; появление новых субъектов посягательств на частную жизнь: с целью получения прибыли в частную жизнь вторгаются различные коммерческие компании, осуществляют сбор личных данных для продажи, маркетинговых целей и отслеживания моделей поведения потребителей товаров; создание медицинских баз данных, обмен информации о гражданах между

кредитными организациями; распространение информации в СМИ и сети интернет и т.д.

Если журналист предварительно получит согласие респондента, то это не будет считаться вторжением в личную жизнь. Однако он должен быть уверенным, что респондент согласен на публикацию, а не только на интервью. Когда вопрос касается лиц несовершеннолетних, недееспособных или юридически некомпетентных, в этом случае потребуется разрешение родителей или опекунов.

При этом сторона, которая предъявляет иски о неправильном освещении событий или о вторжении в личную жизнь в деле, имеющим общественный интерес, обязана предоставить доказательства того, что СМИ необдуманно или целенаправленно произвели ошибочные заявления. Стоит отметить, что при обвинении в незаконной публикации частных фактов подлинность их не будет являться защитой. Защитой в иске о вторжении в частную жизнь может служить лишь общественный интерес. Однако если публикация, которая законно интересуется общественностью, будет содержать дополнительные, ничем не обоснованные материалы о личной жизни, правомерность обнародования данной публикации будет под вопросом.

При освещении личной жизни журналисту необходимо убедиться, является ли респондент человеком эмоционально и психологически здоровым; не откажется ли он от своего решения; является ли респондент частным или публичным лицом; также журналисту требуется брать во внимание, происходит ли интервью в частном владении или в общественном месте. Если интервью происходит в частных владениях, необходимо получить разрешение находиться в здании, фотографировать, брать интервью; также необходимо учитывать, находилась ли указанная информация в публичных источниках. Также при публикации материалов необходимо понимать, является ли информация актуальной и интересующей общественность;

необходима ли обнародуемая информация для целей публикации в целом и многое другое.

Далее стоит разобраться, в чём заключается разница между нарушением права человека на личную жизнь и ущемлением его чести, достоинства и деловой репутации (сюда можно также отнести защиту права на изображение)? Эти вопросы имеют как точки пересечения, так и различия. Журналисту важно разбираться в них, чтобы не нарушить закон.

Итак, в случаях нарушения чести и достоинства закон говорит о распространении не соответствующих действительности сведений, которые порочат репутацию того или иного человека, тогда как при нарушении права на личную жизнь соответствие либо несоответствие действительности распространяемых о человеке сведений не имеет значения, как и то, порочат они его или являются хвалебными. Важно другое – действия либо распространяемая информация вмешиваются в сферу личной жизни.

Предлагаем провести сравнение этих двух прав. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года провозгласила в числе важнейших прав личности право на неприкосновенность от произвольных посягательств на его честь и репутацию [Всеобщая декларация прав человека, [www](#)]. Статьи 23 и 24 Конституции РФ, а так же ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации защищают гражданина от посягательств на его честь и достоинство [Конституция РФ 2008, [www](#)]. Отметим, что защите чести и достоинства граждан отдается большее предпочтение по сравнению с их правом на свободу слова и информации. Это указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», где сказано, что суды при рассмотрении дел о защите чести и достоинства граждан исходят из того, что право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом [Постановления Пленума Верховного Суда РФ, [www](#)].

Для споров о защите чести, достоинства и деловой репутации важно разобраться в определении понятия «порочащие сведения». Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что под «порочащими» понимаются следующие сведения: «Это сведения содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица» [Постановления Пленума Верховного Суда РФ, www]. Пусть данное определение далеко от формально-логического совершенства, оно все же дает ориентиры для судебной практики. Для вынесения приговора значимыми обстоятельствами считаются: факт распространения сведений; их порочащий характер; несоответствие сведений действительности. Если выполняются все три условия одновременно, то выносится обвинительный приговор. В свою очередь, оценочные суждения, мнения, убеждения нельзя проверить на соответствие действительности, а значит, они не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, так как являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика. Сведения, являющиеся недостоверными, но не умаляющие чести, достоинства и деловой репутации, также не могут считаться порочащими.

Как мы видим, защитить свое право на честь, достоинство и деловую репутацию оказывается непросто. Не всегда удается доказать факт именно порочащей информации. Для того чтобы суд удовлетворил иски требования истца, необходимо, чтобы тот подтвердил факт распространения ложной или частично ложной информации, а также представил доказательства, что сведения действительно носят порочащий характер. Если истцы не предоставят доказательную базу (то есть какие-либо документы, которые бы подтверждали ложность информации) и будут апеллировать

только к собственной оценке, не проведут, например, лингвистическую экспертизу – в таком случае невозможно отстоять свои права.

Как считает суд, необходимо различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, они не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, а, значит, не являются предметом судебной защиты.

Теперь перейдем к праву охраны сведений о личной жизни. Данное право регламентируют статьи 29 Конституции РФ и ст.152.2 Гражданского кодекса РФ, которые говорят следующее: каждый человек имеет право на неприкосновенность его личной жизни. [Конституция РФ 2008, www].

Одновременно в Кодексе профессиональной этики российского журналиста говорится: «Газета не должна вмешиваться в личную жизнь граждан, не будучи уверена в том, что это вмешательство мотивировано не любопытством обывателей, а законным правом общества на получение важных сведений. Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека» [Кодекс профессиональной..., www]. При возникновении конфликта необходимо четко понимать, что «общественный интерес» — это всегда общественно *значимый* интерес, а отнюдь не любой интерес, проявляемый аудиторией СМИ. Нужен разумный баланс между распространением личной информацией о человеке и данными, с помощью которых человек осуществляет общественную жизнь. Его сохранение – признак демократического общества, его нарушение – тоталитарного.

В настоящее время активно возросла угроза атак на персональные данные человека. При этом на сегодняшний день действующее законодательное регулирование имеет ряд пробелов, которые причиняют серьезные проблемы в данной сфере.

Вывод. Эффективность журналистики как социального института во многом зависит от соблюдения правовых и этических норм. Чем больше свободы действий, тем больше журналистике предоставлено возможностей влиять на общественную жизнь и тем выше мера ее ответственности за характер и последствия использования этой свободы. Абсолютно каждый журналист, занимаясь профессиональной деятельностью, должен отвечать на требования, предъявляемые к журналистике, своим творчеством, достоверными, объективными публикациями, которые никто не смог бы опровергнуть.

Становится ясным, что знание норм этики и права журналистами создает благоприятную информационную и психологическую среду в обществе. Само предназначение СМИ предполагает уважение к человеку и его свободам, создание здоровой благожелательной атмосферы доверия к власти, окружающему миру и самим СМИ. СМИ должны восприниматься как основа гражданского общества и правового демократического государства.

ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

В эмпирической части своего исследования мы проанализируем типичные правовые и этические конфликты в современной российской журналистике на основе материалов Общественной коллегии по жалобам на прессу и судебных решений. Наши главные задачи – выявить основные типы конфликтов, то есть типовые нарушения профессиональных стандартов российскими журналистами, и точки пересечения правовых и этических конфликтов. Кроме этого, мы постараемся ответить на вопрос: почему по схожим темам, например, «клевета и оскорбление», люди обращаются либо в профессионально-этические негосударственные структуры, в нашем случае – в Общественную коллегию по жалобам на прессу, либо в государственные структуры (суды).

2.1. Профессионально-этические конфликты в российской журналистике

Как уже было сказано, помимо органов судебной власти, существуют и независимые общественные структуры, относящиеся к сфере саморегулирования журналистики и осуществляющие разрешение информационных конфликтов на этической, а не правовой основе, руководствуясь профессионально-этическими кодексами. В России до 2005 года в качестве основного такого органа работало Большое Жюри при СЖ РФ, а с 2005 г. – Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Обращаясь с заявлением в эту организацию, заявитель подписывает соглашение и берет на себя обязательство не обращаться по данной проблеме в суд.

Как правило, обращения именно в Общественную коллегию связаны, во-первых, с целью достижения другой, более «мягкой» формы «наказания» СМИ (прежде всего, с влиянием на его репутацию); во-вторых, с тем, чтобы вместе с экспертами определить, насколько растяжимы рамки этического поведения журналиста.

Напомним, что к числу наиболее общих профессионально-этических принципов, отмеченных сегодня во всех журналистских кодексах, можно отнести, во-первых, требование объективности/**достоверности информации**, включающее проверку фактов и недопустимость распространения недостоверной информации, во-вторых, недопущение **нарушения прав личности**, в-третьих, **недопущение дискриминации по полу, расе, национальной или религиозной принадлежности**, в-четвертых, **использование достойных методов при получении информации**.

Проанализировав все конфликты, рассмотренные Общественной коллегией по жалобам на прессу за период 2016-2018 гг., мы выявили следующую картину (таблица 2.1):

Таблица 2.1.

Нарушаемый профессионально-этический принцип	Число жалоб	% от общего числа
Нарушение принципа объективности (достоверности) информации: публикация непроверенных фактов, односторонняя трактовка ситуации, неотделение фактов от мнений)	54	33
Нарушение прав	67	42

личности: клевета, разглашение сведений, связанных с частной жизнью граждан, личной и семейной тайной без их согласия		
Дискриминация по полу, расе или национальной принадлежности, религиозным убеждениям	15	9
Нарушение требования использования достойных методов при получении информации	25	16

Рассмотрим ряд достаточно типичных конфликтов и, соответственно, решений, которые стали предметом дискуссионного спора профессионального сообщества.

Основной массив критических замечаний по отношению к журналистам связан с распространением ими не соответствующих действительности сведений, которые так или иначе порочат честь, достоинство и деловую репутацию граждан или юридических лиц. При этом чаще всего нарушается и принцип объективности по отношению к данной личности. Как легко видеть, здесь нарушаются сразу три принципа.

Основная сложность для тех, кто подает жалобу по этим направлениям, заключается в доказательстве того, что сведения действительно являются диффамационными и, как следствие, идут вразрез с профессиональными этическими стандартами журналиста. Это ярко иллюстрирует следующий случай.

Пример 1. В сентябре 2018 года в Общественную коллегия по жалобам на прессу была подана жалоба от производителей маложировой продукции на интернет-издание «Свободная пресса» [Общественная коллегия по жалобам на прессу, Жалоба 2018 г. № 185, www]. В заявлении указывалось, что в содержании двух статей Антона Чаблина о вреде пальмового масла можно проследить «дискредитацию данного продукта». В публикациях под названием «Пальмовое масло делает русских мужчин бесплодными» и «Запад отказался от ядовитого пальмового масла, утопив в нем Россию» содержится большое количество непроверенных данных, распространение слухов под видом достоверных сообщений, необоснованные предположения, а также и зачастую заведомо ложные сведения.

Заявитель, Нестерова Е.А., – представитель одной из компаний, производящих пальмовое масло, считает, что данное издание допустило множественные нарушения правил профессиональной этики российского журналиста. Она выделила основные блоки недостоверной информации: «Вред пальмового масла широко известен – оно, в частности, приводит к быстрому накоплению «плохого» холестерина в организме»; «...вредоносные растительные масла. К их числу относится и пальмовое»; «...ядовитого пальмового масла...». По мнению Нестеровой Екатерины, данные высказывания – типично распространенные заблуждения о пальмовом масле. Помимо того, что автор транслирует непроверенную информацию, он еще и не приводит результатов каких-либо серьезных научных исследований по данному вопросу. А между тем, пальмовое масло обладает своим уникальным составом и наряду с другими маслами является распространенным в пищевой промышленности.

Первый блок претензий к журналисту электронного издания заключается в распространении информации о том, что пальмовое масло приравнивается к «ненатуральному» веществу, которое при добавлении в другие продукты делает их «вредными». В статье изобилуют отрицательные,

и главное, неподтвержденные высказывания о побочных эффектах пальмового масла, в то время как о положительных авторы умалчивают.

Второй блок претензий относится к высказыванию: «А в марте в Евросоюзе вступили в силу новые требования к качеству пищевой продукции, которые запрещают использовать вредоносные растительные масла. К их числу относится и пальмовое»; «Выходит, что на каждого россиянина, включая младенцев, приходится около семи килограммов пальмового масла в год». Снова необоснованное утверждение. Ни в одной стране мира нет запрещения на использование пальмового масла в продуктах, так как оно является самым распространенным при производстве кондитерских изделий. Запрет существует на использование конкретного контаминанта (соединения) – глицидиловых эфиров жирных кислот, которые могут содержаться в любом растительном масле. На одного россиянина приходится четыре с половиной килограмма пальмового масла в год, а вовсе не та цифра, которую указал журналист.

Что касается редакции интернет-издания «Свободная пресса», то ее сотрудники не видят в данной жалобе умаления деловой репутации предприятия, так как в тексте не названы российские поставщики и предприятия, использующие это масло.

Представители редакции считают, что АПМП, как заинтересованная сторона, пытается доказать «замечательность» пальмового масла. «Их интерес очевиден – они представляют интересы коммерческих структур, которые на этом масле делают свой бизнес. Теперь пытаются втянуть в это Общественную коллегию. Но вам-то это зачем?» – письменно обращается к Жюри главный редактор С.А. Шаргунов, и добавляет, что согласно статье 29 Конституции РФ, у каждого есть право на выражение своего мнения и убеждений. Выражает Общественной коллегии свое глубокое уважение, но участвовать в разборе данной жалобы отказывается.

Выслушав обе стороны, Общественная коллегия вынесла следующее решение: в тексте публикаций журналиста Антона Чаблина не найдено

нарушений профессиональной этики журналиста. Отсутствуют слухи под видом достоверных сообщений, а также необоснованные предположения, потому что в публикациях объединены сведения из разных источников. Там есть и цифры, и мнения экспертов, и суждение автора. Эмоциональное наполнение статьи не превышает норму, высказывания не являются тенденциозными. Анализ показал, что поднятая в тексте проблема носит социальный характер. Сам автор в ней никак не проявлен, своих комментариев не дает, а публикация материала входит в функционал общественно-массовых СМИ – быть гласом народа по вопросам, которые имеют прямое отношение к качеству жизни (воздух, еда, безопасность среды в целом). Выбранные автором эксперты являются незаинтересованными лицами – профессор МГУ (академический круг) и представитель министерства сельхоз продукции (государство). К тому же в материале не называются точные имена компаний и производителей, поставляющих и производящих продукцию с пальмовым маслом и маргарином на его основе.

Однако Общественная коллегия отмечает, что формулировка заголовков представляет собой пример искусственно создаваемой сенсации. Содержание заголовков не отражает основные идеи статьи, а преподносит недоказуемые суждения как «факты», что, конечно, неэтично с точки зрения журналистов.

Наши комментарии. Прежде всего, отметим, что у специалистов любого рода часто возникают претензии к кратким текстам журналистов по каким-либо узко-специальным, связанным с профессиональными областями темам. Причина недовольства здесь, как правило, не в этике, а в стиле изложения, который является частью заданного формата, иначе говоря, неправомерно предъявлять такие же претензии к журналистскому тексту, как к строго научному.

Кроме того, медиатексты для широкой аудитории построены, как правило, на противопоставлениях. В таких текстах обязательно

присутствуют элементы экспрессии, характерные для разговорной речи, метафоры, гиперболы и т.п., что является нормальным.

В то же время зачастую журналисты позволяют себе категоричные оценки, вообще никак их не аргументируя, что, конечно, является нарушением. Однако в данном тексте ничем не подкрепленных аргументов выявлено не было. Но мы согласимся, что нарушение профессиональной этики все-таки есть и оно заключается в построении заголовочных комплексов, которые сформированы с использованием манипулятивных техник выстраивания идеологических оппозиций, что является неэтичным по отношению к аудитории. Каждый из заголовков несет в себе самостоятельно сформированную мини-сенсацию, порождает неконструктивное чувство тревожности. Известно, что заголовки уже принято рассматривать как самостоятельный медиатекст. Они разработаны с целью привлечь внимание аудитории и выйти в первые строчки поисковиков, удержать свое место среди конкурентов. Заголовки «Пальмовое масло делает русских мужчин бесплодными» и «Кто во власти наживается на ядовитых трансжирах, убивая генофонд» закрепляют известную оппозицию между властью и населением. Использование этнического маркера в словосочетании «русских мужчин» так или иначе заставляет аудиторию думать, что некто «наживается на ядовитых трансжирах», «продаваясь Западу». Именно эта идея конкретизируется в заголовке второй статьи: «Запад отказался от ядовитого пальмового масла, утопив в нем Россию». Подзаголовок уточняет, почему Запад «утопил Россию»: именно потому, что он на этом «наваривается»: «Кто больше всего наваривается на том, что травит нас фальсификатом». Здесь выстроена другая, очень известная идеологическая оппозиция между «нами и ими».

Как говорит исследователь С. Жижек, «трендовые идеологические оппозиции хорошо продаются неискушенной публике, держат ее в страхе. Можно подумать, что они окупают себя тем, что к ним «пристегнут» контент о, скажем, правильном питании, о потребительской бдительности перед подделками. Однако идеологически выстроенная информация перебивает

смысл любой другой информации, перекодирует ее» [Жижек 1999, с. 45]. В данной публикации непредвзятые, в целом, сведения о трансжирах, поданные под такими заголовками, превращают пальмовое масло в любом его качестве в «ядовитое» «идеологическое оружие» – оно и травит, и генофонд убивает.

На наш взгляд, о нечестности властных органов или бизнеса нужно писать, также подтверждая свои слова доказательствами, скажем, о том, что те или иные решения относительно пальмового масла принимались конкретными чиновниками в своих интересах, то есть прямо, без обобщающих намеков и без того, чтобы сопрягать эту тему с другими болезненными вопросами экономики, культуры потребления и здоровья граждан.

Пример 2. В 2017 году за разъяснениями в Общественную коллегияцию обратилась Р.Г. Левыкина, заместитель начальника управления по делам печати. Поводом к обращению послужила публикация в газете «АиФ» журналиста Виктории Гудковой под названием «Где искать правду?» [Общественная коллегияция по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2017 г. № 157, www].

Данная статья является расследовательским материалом. Редакция газеты отправляет своих корреспондентов в регионы с тем, чтобы провести собственную проверку деятельности органов местного самоуправления, выявить, оправдывает ли власть надежды своих избирателей. По мнению заявителя, в данном материале присутствует некий «заказной характер», что видно из односторонней подачи событий и фактов в исключительно негативном ключе. Материал не предоставляет несколько точек зрения, как того требует журналистская этика, а лишь одну, отрицательную, – авторскую. Заявитель отмечает, что в публикации присутствует не соответствующая действительности информация. Факты интерпретируются очень субъективно, а главное, что вызывает недоумение, – нет ни малейшего

упоминания обо всем положительном, что было сделано властью за последние 10 лет.

Журналисты газеты «Аргументы и факты» проигнорировали предложение Общественной коллегии принять участие в обсуждении информационного спора. Данная публикация была отдана на анализ эксперту-лингвисту, и в его заключении были сделаны следующие выводы: текст не носит признаков заказного материала; критика направлена в адрес власти, которая не представлена конкретными лицами, нет разделения на городскую и областную власти, имя губернатора упоминается единожды и в нейтральном контексте.

В то же время вся область в целом не может быть предметом мишени для критики. Журналист совершает логическую ошибку: в его публикации сама область идентифицируется с представляющей ее властью. Предмет критики – в недолжном внимании властных органов к нуждам простых людей. Журналист поднимает проблемную тему от лица самих горожан. Им по праву предоставляется слово как заинтересованной стороне.

Достаточно осторожно относясь к специфике «социального заказа», коллегия разделяет позицию эксперта в том, что ситуация, ставшая предметом информационного спора, не обнаруживает признаков заказной. Однако, не имея возможности спросить, кем и откуда были получены данные, проверялись ли они прежде, чем «выйти в свет», достаточно ли критично осмысливались мнения экспертов, данный вопрос остается для коллегии открытым.

Наши комментарии. Дело газеты – сигнализировать «снизу» не только о доказанных нарушениях, но и о жалобах населения, а дело властных органов – не отрицать любую критику, закрываясь цифрами самоотчета, а разбираться по существу вопроса, не смещая при этом акценты на то, кто именно сказал, как сказал и прочее. Экспертом было выявлено, что данная статья не является заказной, несущей недостоверные сведения, и в ней не

содержится нарушений профессиональных и этических стандартов деятельности журналиста.

Однако в данном материале однобокость подачи материала действительно несколько бросается в глаза. Чтобы разрешить этот информационный спор, следует выяснить у журналистов, была ли проведена верификация полученной информации? Насколько она соответствует действительности? Какие люди выступали в качестве экспертов? К сожалению, авторы публикации оставили эти вопросы без ответа.

Не так давно, в декабре 2018 года, депутаты Государственной Думы вынесли на рассмотрение законопроект, направленный, как комментируют многие юристы, по существу против любой критики власти. Так как абсолютных доказательств у автора может и не оказаться, это означает одно – автор понесет ответственность, так как в законопроекте нет определения того, что именно является «неуважением к власти». Применительно к рассматриваемой нами ситуации можно сделать вывод, что данный закон сведет на нет все негодные властям публикации, предполагающие возможность конструктивной критики.

Пример 3. Рассмотрим следующий случай, который произошел в апреле 2018 года. В Общественную коллегия обратился житель поселка Куркино Сергей Некрасов с жалобой на публикацию «В Куркино началось строительство храма вопреки протестам местных жителей», размещенную в сетевом издании «Tvrain.ru» [Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 22 мая 2018 г. № 183, www]. По мнению заявителя, в самом заголовке материала содержатся не соответствующие действительности сведения. Под этим он подразумевает словосочетание «вопреки местным жителям».

Сергей Некрасов утверждает, что это далеко не так: «Со строительством храма согласны все жители, кроме троих». По его словам, стоило бы указать точное или хотя бы примерное количество противников,

тем более что «такие данные в публикации фигурируют». К тому же заявитель делает упрек газете в том, что информация о незаконности строительства храма не была проверена. Все это он определяет как несоблюдение требований этики российского журналиста и считает, что публикация порочит его честь и достоинство, так как он является жителем поселка и не является противником строительства храма.

После выхода публикации свои претензии заявитель писал на электронную почту редакции. Однако лишь спустя 13 дней пришел ответ от главного редактора: «Уважаемый Сергей! Речь о разрешении на строительство храма принадлежат муниципальному депутату, это не утверждение редакции (к письму приложен скриншот с сайта СЗАО, что строить не надо). Что касается опровержения информации, то в этом редакция не видит причин, так как по ее мнению не были нарушены принципы этики журналиста. С точки зрения профессионального кодекса и этики заметка написана верно».

Участвовать в решении информационного спора редакция отказалась, что, конечно затрудняет возможность задать редактору и журналисту интересующие вопросы. Общественная коллегия полагает, что заявитель – лицо, которое достаточно осведомлено в споре, идущем вокруг предполагаемого строительства храма, и его обращение связано с тем, что противников строительства храма, по его мнению, значительно меньше, чем сторонников. Однако коллегия считает, что в данном материале не были нарушены принципы и нормы профессиональной журналистской этики. Заявителя смутило выражение «местные жители», что, по его мнению, употреблено в значении «все местные жители». Но выражение «местные жители» не тождественно «все местные жители».

В итоге Общественная коллегия приходит к следующему выводу: профессионально-этические аспекты реализации права граждан на опровержение и ответ нарушены не были. Что касается получения заявителем ответа от главного редактора спустя 13 дней, то здесь его права

также нарушены не были. Ответ, согласно статье 39, 40 Закона РФ «О СМИ», предоставлен в течение 14 дней с момента получения обращения.

Наши комментарии. Несмотря на то, что Общественная коллегия приняла сторону редакции, мы считаем, что в данной публикации журналисты все же допустили нарушение профессиональной этики. Следуя третьей статье «Кодекса профессиональной этики российского журналиста», редакция должна была указать источник получения информации, а также четко отделить факты от мнений, сохраняя при том нейтральность своей позиции. Всего этого редакция не сделала, чем и вызвала негативную реакцию со стороны ряда местных жителей поселка Куркино.

Пример 4. В ноябре 2017 года в Общественную коллегия обратилась заявитель Евдокия Лучезарнова, жительница Санкт-Петербурга, писатель, исследователь, автор учения о ритмологии [Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2017 г. № 172, www]. Поводом для обращения послужила передача, выпущенная на Первом канале «Осторожно, секта! Время покажет». Участники передачи рассуждали о том, что такое секта, используя примеры обывательского представления. В ходе программы был показан сюжет с участием заявительницы, и ее научно-творческая деятельность была отнесена к сектантству. Заявитель считает, что в ролике содержится скрытое обвинение в противоправной деятельности уголовно-правового характера.

Сам ход построения передачи состоял из дискуссии «экспертов» и видеорядов о секте, сектантстве и участниках сект. Героем одного из таких сюжетов как раз и стала Евдокия Лучезарнова. В видео была показана ее фотография, названы фамилия, имя и отчество, был включен ее закадровый голос.

Заявитель продублировала «подводку» к той части сюжета, которая непосредственно связана с её появлением в кадре: «Если у вас есть квартира, машина, деньги, то вполне возможно, вы находитесь на крючке у

сектантов...» и «Дело в том, что проблема-то серьезнее, поскольку это может не называться сектой, это может называться, например, “центр духовного совершенствования” или “центр развития”». После этих слов ведущие включают скопированную запись, где показана фотография заявительницы, вырезанный видеоряд с сюжета другого телеканала (взяты из сюжета ТВ «Санкт-Петербург»), и где журналисты представляют ее как «автора учения Ритмологии». Заявительница считает абсолютно недопустимым огульное обвинение в противоправных действиях и расценивает такую информацию как тенденциозную, порочащую честь и достоинство.

Евдокия объясняет свою позицию следующим образом: «ритмология – научная дисциплина, находящаяся в стадии становления. Сейчас я оформляю ее при помощи научной методологии... По сути, ритмология новая наука, к которой естественным образом у большинства людей, пока нет доверия. То, что выходит на Первом канале и на других ТВ-компаниях, мешает заявителю строить отношения и взаимодействовать с научно-философской средой». На вопрос Общественной коллегии, почему заявитель решила обратиться к ним, а не в суд, после выхода первого сюжета с ее участием, она ответила, что обращалась в суд, но ей отказали в рассмотрении данного дела, поскольку не удалось доказать факт публичного распространения видеоролика. Таким образом, ярлык «сектантства» так и остался «приклеенным» к заявительнице. Это создает трудности во взаимодействии с научно-философской средой, а также формирует негативный образ в глазах посторонних людей.

Коллегия в своем решении отметила, что не считает себя компетентной в вопросе ритмологии, поэтому уклоняется от научно-философской оценки деятельности Евдокии. Но находит, что сама попытка авторов программы наклеить ярлыки «секта» и «сектантство» на деятельность конкретной общественной организации, не претендующей на место в сегменте организаций религиозных и каких-либо вероучений, является манипуляцией, недопустимой не только в классической телевизионной журналистике, но и в развлекательных жанрах.

Данный информационный спор оценивает эксперт К.А. Назаретян и приходит к выводу, что в основе лейтмотива тематического выпуска «секты» нет согласованного представления о содержании такого понятия. В очередной раз используется ярлык, маркирующий «врага». Основная часть выпуска посвящена составлению списков «деструктивных сект» и запрету конкретных организаций, причем, никто из ведущих не считает такую позицию неправильной. Во-вторых, ни одному субъекту, объявляемому «угрозой для общества», не предоставлено право голоса, в том числе, в свою защиту, что противоречит этическому правилу: дать возможность ответа тому, на кого направлена серьёзная критика. Также это противоречит требованию российской Хартии телерадиовещателей, положения которой некогда обязался выполнять Первый канал.

Проводя разбор данной передачи, коллегия обратила внимание на манеру ведущих выпуска, представляющих публике человека, не приглашённого в студию. Ведущим, Артёмом Шейниным, был использован прием высмеивания объекта критики: «Тысячи зрителей пришли посмотреть не на звезду, они пришли за чудом»; «Чтобы поймать поток, надо прочитать около 400 книг...». При отсутствии объекта критики и по причине специфичности контекста самого сюжета данная манера поведения расценивается как злоупотребление правами журналиста на свободу слова.

То есть в данной передаче использован целый спектр приемов, призванных сформировать определенное отношение аудитории к тем людям, чьи имена выводятся на экране. Специально подобранная окраска и комментарии работают на формирование «нужного» отношения. Коллегия считает, что любые материалы о религиозных или этнических меньшинствах должны отличаться «глубокой проработкой темы, вниманием к тому, какое влияние будет иметь материал, предоставление слова тем, у кого обычно нет права голоса, уважительный тон, избегание стереотипов, чёткая позиция против дискриминации, широкий взгляд на вещи и стремление к минимизации вреда».

Наши комментарии. Таким образом, здесь нарушен целый перечень пунктов Кодекса профессиональной этики российского журналиста. Главным образом, это пункт третий, в котором злонамеренное искажение фактов рассматривается как серьезное нарушение профессиональной этики. Помимо этого, в тексте нет четкого разграничения фактов и мнений. То есть можно говорить о том, что журналист не уважает честь и достоинство героев своей публикации. Более того, происходит массовая мистификация аудитории. Возникают очевидные вопросы: может ли канал назвать ту или иную организацию сектой, либо открыто намекать на то, что это именно секта? Чтобы ответить на них, проблему следует разбить на три темы: 1) что такое секта в принципе, каковы ее сущностные признаки, 2) что медиаисследователи и авторы журналистских этических кодексов говорят об освещении религиозных организаций и 3) какова специфика – так как речь идёт о ток-шоу – этики ведущего ток-шоу. Что касается ответа на первый вопрос, то в религиоведении этот термин носит совершенно нейтральную окраску. Секта – это религиозная группа, сравнительно небольшая по численности, отделившаяся от большого религиозного объединения – Церкви» [Эгильский 2010, стр. 73]. Таким образом, в публичных дискуссиях некорректно придавать бытовой смысл слову секта, подразумевая под этим нечто злое и опасное. Поэтому, в целом, мы поддерживаем заявителя в своем обращении. Авторы телепрограммы представляют только одну точку зрения, согласно которой секты – «крайне опасные организации и с ними нужно бороться», представителей самих организаций в студии нет.

Что касается второго вопроса, то основная сложность заключается в том, чтобы соблюсти хрупкий баланс: с одной стороны, уважая свободу совести и право любого человека на то, чтобы исповедовать любую религию, с другой, – оградить общество от социально опасных проявлений того или иного деструктивного верования. Соблюсти баланс чрезвычайно сложно. В исследовании Международной федерации журналистов на тему того, как европейские журналисты пишут об этнических и религиозных

меньшинствах, по результатам анализа опубликованных в СМИ материалов отмечается, что хорошие материалы с религиозной точкой зрения отличаются глубокой проработанностью темы, наличием контекста, объяснением юридических обстоятельств, вниманием к тому, какое влияние будет иметь материал, предоставление слова тем, у кого обычно нет права голоса. уважительный тон, избегание стереотипов, чёткая позиция против дискриминации, широкий взгляд на вещи и стремление к минимизации вреда» [Rupar 2012, с. 58]. Если говорить об этике ведущего, то именно ток-шоу часто вызывают вопросы по поводу этичности поведения журналистов. Социальная ответственность журналиста как раз и выражается в том, чтобы выявлять и обнародовать опасные для общества явления. А это значит, что в обсуждении подобных тем надо вовлекать максимальное количество затрагиваемых сторон. Но ведущие программы пошли по легкому и простому пути, по своей сути, пропагандистскому, – клеймению несимпатичных им организаций без предоставления им права на ответ. Несмотря на общее требование беспристрастности, в кодексе британского медиарегулятора Ofcom, например, написано: «Дикторы и корреспонденты (за исключением дикторов новостей и корреспондентов новостных программ), ведущие авторских программ и дискуссий могут выражать собственную точку зрения по политическим, экономическим и общественным вопросам. Но альтернативные точки зрения также должны быть адекватно представлены либо в той же программе, либо в той же серии программ» [The Ofcom Broadcasting Code, www].

В Хартии телерадиовещателей об этике ведущего ток-шоу и любых других передач ничего не говорится. Два положения, которые применимы к обсуждаемой нами теме, таковы: «Во всех случаях критика и ответ на критику должны быть переданы во взаимосочетании и в одинаковой форме» и «Стремление к качественно равному изложению позиций обвинения и защиты всех участвующих в деле лиц» [Хартия телерадиовещателей, www].

Таким образом, поведение ведущего ток-шоу с точки зрения журналистской этики практически ничем не должно отличаться от поведения корреспондента: он или она должны быть беспристрастны, социально ответственны, должны предоставлять слово разным сторонам, с уважением относиться к фактам, частной жизни, защищать свободу слова и т.д. Однако, они могут высказывать свою точку зрения – продолжая оставаться при этом максимально беспристрастными в ведении дискуссии.

Пример 5. В марте 2017 года в Общественную коллегию обратился член партии «Яблоко» политик Сергей Митрохин с жалобой на публикацию «100 русофобов года», выставленную на сайте телеканала «Царьград». Заявитель убежден, что публикация провоцирует других людей на возможные преследования и физическое насилие в отношении имен, названных в списке [Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2017 г., № 160, www].

Данная публикация, по сути, объявляет о «100 врагах» России, которые были составлены «по мнению читателей и экспертов». «Врага надо знать в лицо!» – гласит первая строчка. В список включены российские и зарубежные деятели, журналисты, писатели. В одном ряду стоят президент Франции Франсуа Олланд и члены российского правительства Михаил Абызов и Игорь Шувалов, писатели Людмила Улицкая, Мария Арбатова и сам заявитель. Пестрота списка – продуманный шаг, чтобы существенно затруднить подачу уголовного обвинения в разжигании вражды к определенным социальным или этническим группам, так как невозможно ни по одному из признаков отнести в одну группу ведущую «Эха Москвы» Ксению Ларину и министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона. Помимо того, что статья задевает честь и достоинство каждого представителя списка, она еще провоцирует к каждому ненависть и чувство вражды, своим содержанием представляет реальную угрозу жизни людей.

Заявитель считает, что составление таких списков — вещь недопустимая, так как провоцирует возможные преследования, разжигание нетерпимости в обществе. К тому же это абсолютно неприемлемо с моральной и юридической точек зрения, противоречит профессионально-этическим нормам и нарушает Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Заявитель считает, что публикация должна быть удалена, а редакция СМИ предупреждена о недопустимости таких действий.

На заседании Общественной коллегии Сергей Митрохин пояснил, что основанием для зачисления в список «лютых русофобов» является инакомыслие. «Тот, кто думает не так, как мы (редакция канала) и “наши” зрители — те и есть русофобы». «Лично я объявляюсь русофобом, — говорит заявитель, — потому, что посвятил год борьбе со строительством храмов в Москве», — и это притом, что с «попытками РПЦ застроить скверы, места общественного пользования приходит бороться огромное количество людей, большинство из которых по национальности русские»; «при этом я оказываюсь русофобом». Тогда, говорит Митрохин, слово «русские» можно отнести только к тем, кто согласен с позицией канала. Коллега заявителя, Григорий Явлинский, назван русофобом за то, что не согласен с политикой нашего президента в отношении Сирии. На наших глазах журналисты открыто и без стеснения оговаривают людей по признаку политических взглядов.

С учетом рассмотренных обстоятельств коллегия приняла следующее решение: считает уклонение редакции телеканала «Царьград» в информационном споре недопустимым. Общественная коллегия не получила возможности узнать жанр публикации, а также оценку данной ситуации у самой редакции. Коллегия отметила, что телеканал «Царьград» в своей публикации допустил смешение в одну группу людей и разного ранга, и разного статуса, а также привел высказывания без ссылок. Но такие высказывания могут относиться к кулуарным, быть вырванными из контекста или взятыми из социальных сетей, но именно эти высказывания

редакция относит к политическим заявлениям. То есть то, что могло быть обывательской реакцией на какой-либо случайный фактор, приложено к данным людям как штамп. Налицо дискредитация репутации конкретных личностей. Распространение таких сведений (аудитория канала свыше 2 млн. человек) определяется как провокация. Ситуация осложняется тем, что приведены фотографии субъектов. «Фотоиллюстрация с папкой «Дело №» с наручниками и физиономией Сороса представляет собой недвусмысленный намек на «руку Запада» и таким образом завершает «приговор».

Коллегия приходит к выводу о том, что данная публикация очерчивает в сознании граждан «образ врага». Коллегия относит такой текст к медиакратическим и находит данный журналистский продукт пропагандистским, с признаками языка вражды. Внесение в сознание людей деления на «мы» (хорошие) и «они» (плохие) является лобовой пропагандой, рассчитанной на примитивного читателя. Определившись с характером оспоренного медиатекста (пропаганда, а не журналистика), коллегия считает, что обращение к таким формулировкам, как «русофоб», «лютый русофоб», «ярый ненавистник России», – четкий признак формирования образа врага внутреннего и внешнего. Более того, к составлению списка «русофоба недели» или «русофоба месяца» данное издание привлекает аудиторию, то есть своим «предложением» воздействует на массовое сознание, формируя угрозу общественной безопасности. Впервые коллегия освобождает заявителя от обязательства не использовать настоящее решение для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке, так как считает недопустимым сохранение данной публикации на сайте сетевого издания «Царьград».

Наши комментарии. Здесь надо учесть, что в глазах рядового пользователя электронный ресурс с шапкой телеканала, получившего федеральную лицензию, есть часть этого телеканала. Таким образом, националистическая идеология, проявляющая себя в списке «ненаших», в глазах обывателя получает как бы государственную поддержку. Мы

полностью согласны с решением Коллегии о том, что в публикации «Топ-100 русофобов 2016» содержатся грубые нарушения профессиональной этики журналиста: распространение провокационной, националистически «окрашенной» информации, формирующей политизированный образ «русофобов».

Фрагменты, выражающие обывательскую нетерпимость субъектов высказывания, приобретают в контексте конфликтного списка значение провокации. Список в целом умаляет честь и достоинство включенных в него граждан, которые не имеют отношения к националистической идеологии.

Пример 6. В 2016 году на канале «Россия 1» вышел фильм журналиста Бориса Соболева «Бремя цыган». В данном фильме утверждается, что абсолютно все цыгане так или иначе торгуют наркотиками, считая это своим «родовым бизнесом». Приводится «неофициальная статистика», и цифры, говорящие о количестве цыган, сидящих в тюрьмах за распространение наркотиков, шокируют зрителя. Показаны интервью с семьями, чьи домочадцы зарабатывают на героине.

Данный сюжет возмутил представителей Комитета по ликвидации расовой дискриминации, которые считают, что содержание фильма создает ложное представление у других культур народа о цыганах и что он унижает целую национальность. По мнению заявителей, высказывания в фильме резкие, в целом он сенсационный, полный стереотипов, по сути, дискриминирует цыган как таковых [Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2016 г. № 141, www]. Помимо общей атмосферы фильма, журналисты приводят в закадровом тексте множество недостоверных сведений, допускают умышленное искажение фактов, не указывают источники, откуда взяты числовые данные и другая фактическая информация. Представители комитета по ликвидации расовой дискриминации считают, что этот фильм – грубая манипуляция

общественным сознанием, направленная на исключение данного этнического меньшинства из общества.

Сотрудники канала «Россия 1» от участия в обсуждении своего материала отказались, их позиция осталась неизвестной. При просмотре фильма членами коллегии и экспертом-лингвистом были обнаружены подтасовки фактов. Коллегия считает позицию фильма тенденциозной, а позицию журналиста предвзятой. Фильм формирует негативный, ущербный образ цыган, что является нарушением принципа журналистской этики о недопустимости дискриминации по национальному признаку. Коллегия также считает недопустимым уклонение государственного вещателя от каких бы то ни было комментариев по данной жалобе.

Наши комментарии. Просмотр этого фильма действительно формирует негативный образ цыганского национального меньшинства, что само по себе является грубым нарушением журналистской этики, которая запрещает выводить социальные проявления граждан из их этнического происхождения. А данный фильм как раз рассматривает социальные противоречия исключительно в этническом дискурсе. Журналисты должны помнить, что обязаны оберегать право людей разных национальностей на доброе имя. Даже само по себе название фильма «Бремя цыган» уже несет конфликтный оттенок, подразумевая наличие какого-то «бремени» у целой национальности. Органы власти показаны в фильме в исключительно положительном ключе, в образе «страдающей стороны», создавая оппозицию «мы-они», где «они» – чуждые нашему народу, а «мы» - законопослушное население всех остальных наций. Фильм имеет признаки социальной тележурналистики, он задает поведенческие ориентиры по отношению представителям данного народа и, само собой, подразумевает серьезную проверку фактов. Но, включая в себя огромное количество ложных сведений, фильм дезинформирует общество, формируя и укрепляя негативный образ представителей данного этноса.

В целом, проанализировав заявления, направленные на рассмотрение Жюри Общественной коллегии по жалобам на прессу, приходим к выводу, что чаще всего встречаются *два типа* нарушения профессиональной этики. Первый тип заключается в нарушении принципа объективности (достоверности) информации, то есть в публикации непроверенных фактов, односторонней трактовки ситуации, неотделении фактов от мнений. Второй – в нарушении прав личности, которые выражаются в недостоверной умышленной и неумышленной диффамации, связанной с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной. В итоге можно сделать следующие **выводы**:

1. Чтобы избежать первого типа нарушения, журналисту следует помнить о беспристрастности при подаче материала. Информация не должна быть искусственно сенсационной, провоцировать нездоровый интерес или панику. Но проблемы здесь очевидны. Следование данному принципу предполагает внимание к фактической точности, независимости и сбалансированности подачи информации, что не всегда оказывается возможным реализовать на практике.

Главная проблема заключается в том, что журналист так или иначе вынужден быть избирательным: он должен выбирать, какие факты, цитаты или фотографии включить в свою статью, а какие нет, и этот выбор всегда субъективен и зависит от личной точки зрения журналиста, даже если он стремится к объективности (беспристрастности). Таким образом, мы всегда сталкиваемся с тем, что интерпретация журналистами какого-либо события обладает разной степенью истинности. В этом смысле можно говорить о формировании собственного «реализма» у работников СМИ. А в некоторых случаях события подаются так, чтобы сформировать «реализм» в свою пользу.

2. Второй тип, выражающийся в нарушении прав личности, может приобретать различные формы. Здесь очень важно проводить четкое различие между оценочными суждениями и клеветой, так как между

данными понятиями – тонкая грань. Клевета предполагает прямой умысел, то есть журналист заведомо знает, что говорит неправду, но все же допускает информацию до публикации. Оценочные суждения представляют собой оценку, субъективное мнение журналиста по какому-либо вопросу, ситуации. Бывает, что без лингвиста трудно правильно определить, что в тексте является личной оценкой, а что – суждением. Неправильная трактовка приводит к ущемлению свобод одной из сторон. А так как оценочные суждения не являются предметом защиты в суде (если только они не носят оскорбительный характер), то за разъяснением спорных суждений, находящихся «на грани», и, возможно, за нравственной их оценкой, люди и обращаются в Общественную коллегию. Иначе истец может остаться «поруганным» в глазах общества, а у СМИ отнимается свобода выражать свое мнение и оценку. Кроме того, в Общественной коллегии по жалобам на прессу жалобы против диффамации рассматриваются часто, и если бы истец обратился в суд, а не в Коллегию, изданию грозил бы большой денежный штраф.

3. В целом, как объясняет представитель коллегии Юрий Казаков, коллегия занимается информационными спорами двух категорий: теми, которые имеют под собой профессиональный этический конфликт, и нарушение прав человека в сфере массовой информации. Тогда может снова возникнуть резонный вопрос: какой смысл обращаться в Общественную Коллегию, если ее решения не носят обязательного характера и она не может взыскать материальный ущерб? Основной мотив – в получении моральной сатисфакции. Как правило, люди не хотят тратить время и деньги на рассмотрение спора в суде, но обратившемуся важно, чтобы профессиональное сообщество приняло решение, что определенный материал не соответствует профессиональным этическим стандартам. Существование таких структур, как Общественная коллегия, – свидетельство взросления как медиа-сообщества, так и гражданского общества в целом. Ответчику важно не «наказать» представителей СМИ, а

то, чтобы эту проблему, с которой он обратился, услышали другие люди и дали ей оценку.

2.2. Нарушение правовых норм российскими журналистами

В том случае, когда нарушаются законные права, за помощью можно обратиться и в органы государственной власти – суды.

Проанализировав судебные иски за период 2016 – 2018 года можно говорить о том, что существенное число рассмотренных исковых заявлений также приходится на дела, связанные с защитой прав личности, а конкретно – на распространение сведений, порочащих честь, достоинство и репутацию человека (таблица 2.2).

Таблица 2.2.

Нарушаемые нормы права	Число жалоб	% от общего числа
Статьи законов, касающиеся защиты чести, достоинства, деловой и личной репутации + Защита частной жизни (в гражданских и в уголовных делах: №152 ГК РФ; 5.61 КоАП РФ; 128.1 УК РФ)	186	59
Разглашение персональных данных + защита права на изображение, имя (№ 137 УК РФ; 13.11 КоАП РФ; №15 ГК РФ)	113	36
Статьи законов о клевете и оскорблении (как в	18	5

административном, так и в уголовном праве) (Статья 129, 130 УК РФ; Ст. 5.61 КоАП РФ; 152 ГК РФ)		
--	--	--

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что количество таких дел не уменьшается. Его динамика позволяет сделать вывод о том, что вопрос о защите чести и достоинства, деловой репутации граждан и юридических лиц постоянно актуален. При этом следует отметить, что количество предъявляемых исков к СМИ за период 2016—2018 годы увеличилось с 137 до 186.

В общей массе дел данной категории доля исков к средствам массовой информации составила в 2016 году – 29,4 %, в 2017– 34,4%, в 2018 году – 44%. Конечно, здесь еще стоит рассмотреть вопрос, насколько обоснованы предъявляемые иски к СМИ. Ведь судами допускались и ошибки в рассмотрении дел, которые выражались в неправильном определении юридически значимых обстоятельств по делу, а именно: не разграничивались такие понятия, как утверждение о факте, событие, мнение, оценка, предположение, не устанавливался факт распространения сведений, неверно избирался способ защиты чести, достоинства и деловой репутации, способы опровержения сведений.

Вторым по количеству рассматриваемых дел идет защита права на изображение, имя и разглашение персональных данных. Стоит отметить, что в формулировку «права личности» входит и защита права на изображение, имя. Все это разные способы нарушения данного права.

Разглашение персональных данных – деяние, подразумевающее прямое нарушение принципа конфиденциальности, когда лицо, которому известны сведения, передает их другим лицам без согласия субъекта персональных данных.

Первое судебное разбирательство, которое мы рассмотрим, как раз связано с таким нарушением.

Пример 1. Газета «Городские вести» в 2017 году опубликовала материал «Из зала суда. Вступил в законную силу приговор Ревдинского городского суда» без согласия на разглашение персональных данных. В публикации содержались сведения о гражданине Буторове В.С., а именно имя, фамилия, год рождения, образование, город проживания, рабочая должность, обстоятельства преступления [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело №1164/2017, www].

Вышеуказанные незаконные действия со стороны редакции газеты повлекли для истца негативные последствия, а именно, распространение персональных данных, в том числе, сведений о судимости. В связи с этим заявитель просит привлечь редакцию к административной ответственности по ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде предупреждения за нарушение установленного законом порядка обработки персональных данных: распространение таких данных без согласия субъекта, в отношении которого эти данные были распространены.

Однако представитель редакции считает, что никакого ущерба чести и достоинству истца он не причинил, так как опубликование такой информации способствует профилактике подобных преступлений в обществе.

Рассмотрев материалы дела, суд приходит к выводу о том, что опубликованные данные позволяют идентифицировать указанного в заметке гражданина. Ответчиком не оспаривается тот факт, что никакого согласия на их распространение истец не давал. А так как согласия не было, суд постановил, что данным СМИ был нарушен установленный порядок о распространении личной информации о гражданах. СМИ действительно

совершило правонарушение, предусмотренное ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Судом установлено, что выявленное правонарушение не причинило вреда жизни и здоровью людей, а также то, что ранее газета не привлекалась к административной ответственности за совершение аналогичного правонарушения. Принимая во внимания данные обстоятельства, суд, руководствуясь ст. 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, постановил выписать СМИ предупреждение.

Наши комментарии. Рассмотрев данную ситуацию, следует помнить, что журналисту необходимо заручиться согласием субъекта на распространение его персональных данных, либо соблюсти одно из четырех условий свободного использования ПД: 1) распространение общественно-значимой информации, 2) осуществление законной профессиональной деятельности журналиста, 3) использование общедоступных данных, 4) использование данных, обязательных к раскрытию.

Причем эти условия не должны нарушать «права и свободы субъекта персональных данных». Каждую публикацию нужно проверять на «избыточность», то есть следить, чтобы содержание и объем персональных данных соответствовали цели материала.

Пример 2. Следующий случай посвящен защите права на изображение. 2 и 3 декабря 2017 года в эфире Российского информационного канала «Россия - 24» транслировался документальный фильм Аркадия Мамонтова «Пальмовые берега - 3». Данный фильм представляет собой журналистское расследование на тему использования в молочных продуктах пальмового масла. В фильме демонстрировалось изображение, голос, имя, фамилия, занимаемая должность одного из лидеров российского масложирового рынка, генерального директора – Кустова В. Н., являющиеся персональными данными. Истец, потерпевший, Кустов В.Н., просит взыскать с Федерального

государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» компенсацию морального вреда в размере 20000 рублей и признать перечисленные сведения разглашением персональных данных. Просит удалить из документального фильма его голос, изображение и всю информацию, так как ролик был массово выложен в интернет [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 1985/2017, www].

Истец на заседание не явился, его позицию представляют третьи лица.

Позиция СМИ состояла в следующем. Известно, что у каждого человека существует право на неприкосновенность частной жизни и право на свободу выражения мнения, являющиеся основополагающими элементами демократического общества. Сведения о персональных данных истца Кустова В.Н. – фамилии, имени, отчестве и занимаемой должности – общедоступны, так как находятся в свободном доступе сети Интернет, что подтверждается скриншотом сайта «ЭФКО» (efko.ru). Использование изображения истца осуществлялось исключительно в вышеуказанных целях, не преследовало своей целью удовлетворение обывательского интереса к частной жизни истца или извлечению прибыли. Поэтому использование данных является абсолютно законным. У истца нет доказательств, которые подтверждали бы факт вторжения в его личную жизнь. Также нет доказательств, что в результате таких действий ему были причинены физические и нравственные страдания.

Рассматривая обстоятельства данного дела, суд обращается к статье 152.1 ГК РФ, которая говорит о том, что изображение гражданина допускается только с согласия самого гражданина, но такого согласия не требуется, когда использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах. Вип-зал аэропорта, где было взято интервью с Кустовым В.Н. – считается общедоступным местом. Его изображение было получено в местах, открытых для публичного посещения. То есть журналист действовал в рамках права. К

тому же, перед тем, как взять интервью, журналист представился, указав, что является представителем ВГТРК. Истец не отказался от интервью, добровольно отвечал на заданные вопросы.

Документальный фильм о распространении пальмового масла в России раскрывает вопросы, имеющие большое общественное значение. Поэтому такой материал маркируется как общественно-резонансная публикация.

Судом установлено, что данный фильм опубликован с достаточной фактической основой и не содержит утверждения о доказанности вины должностных лиц «ЭФКО» в совершении нарушений. То есть он не противоречит положениям ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации.

Анализируя вышеперечисленное, суд приходит к выводу, что в данном фильме отсутствует информация, относящаяся к частной жизни истца. Имя, отчество, фамилия и должность не относятся к сведениям о личной жизни гражданина. Эти сведения получены из открытых источников (сайт компании истца). С учетом вышеизложенного суд отказал в удовлетворении защиты права на изображение и компенсации морального вреда.

Наши комментарии. Таким образом, если изображение нельзя отнести к «биометрическим данным», то его нельзя отнести и к персональным данным. Мы, в целом, согласны с решением суда. Каких-либо доказательств о нарушении его прав и законных интересов, в том числе, скрытой съёмкой, истцом не предоставлено. Указание в фильме фамилии, имени и отчества и других данных о статусе истца является достаточным минимумом и не нарушает его прав и законных интересов. Информация, полученная от Кустова В.Н, раскрыта по его воле, в статье не содержится никаких личных сведений, которые бы истец хотел скрыть от третьих лиц, поэтому ничто не нарушает закон и фильм не является вмешательством в личную жизнь.

Если полностью обезличить героев журналистских материалов, то станет невозможно полноценно информировать телезрителей. Следует понимать и то, что требование возможности публикации только после согласия его героев делает невозможной саму деятельность по производству

и выпуску СМИ. Использование персональных данных в данном конкретном случае является законным.

Пример 3. В 2017 году гражданин Яковлев Р.А. обратился в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье «клевета и оскорбление» [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 1985/2017, www]. Поводом для обращения послужил материал «Жажда крови», опубликованный в издании «Сегодняшняя газета». Содержание статьи повествовало о совершенном два года назад убийстве. По прочтении можно сделать вывод, что убийство совершено именно заявителем, хотя приговор суда еще не вступил в силу, отчего газета, по мнению Яковлева Р.А, не имела права выносить подобное суждение.

К этому истец добавляет, что статья содержит негативные оценки в его адрес, ложные сведения, носящие характер оскорбления, а также обстоятельства совершения убийства, ход судебного процесса, его личные показания в судебном заседании и так далее. То есть претензия заключается в посягательстве на его личную жизнь, в том, что материал газеты направлен против него, что он затрагивает его права и охраняемые законом интересы.

Выслушав заявителя, изучив материалы дела, суд приходит к выводу, что в действиях редакции отсутствует состав преступления. В статье описываются обстоятельства убийства мужчины и женщины в одной из квартир города Зеленогорска. Приводятся результаты рассмотрения уголовного дела и мнение самого потерпевшего о присужденном наказании. В статье есть пометка об изменении фамилии, имени и отчества лица, совершившего данное преступление, о том, что приговор обжалован подсудимым и не вступил в законную силу. Оспариваемая публикация не содержит сведений о частной жизни истца Яковлева Р.А. и каких-либо других сведений, затрагивающих его права и свободы.

Судом установлено, что сведения были получены журналистом из документов, имевшихся в материалах уголовного дела, а информация о ходе судебного процесса была получена журналистом при непосредственном его присутствии на открытом заседании. Яковлев Р.А. действительно был осужден в сентябре 2003 года судебной коллегией по уголовным делам Красноярского краевого суда за преступления по статьям 105, 167 и 139 УК РФ. Именно эти обстоятельства излагались в статье «Жажда крови». Но фамилия, имя, отчество изменены, не указан и адрес заявителя. На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. ст. 123, 125, 256 УПК РФ, суд отказал в возбуждении уголовного дела в отношении редакции «Сегодняшняя газета».

Говоря о составе нарушения неприкосновенности частной жизни, следует обратить внимание на то, что нормы данной статьи запрещают собирать сведения, относящиеся к личной жизни истца, составляющие личную или семейную тайну. Однако, если эти сведения, были уже опубликованы ранее (по данному делу опубликован не один материал), то они не являются личной или семейной тайной.

Наши комментарии. В данном случае журналисты собирали информацию из открытых источников (из зала суда, интернета, документов). Следовательно, эти сведения уже не являются тайной. Но в таком случае возникает вопрос – насколько правомерно использовать информацию из личного дела конкретного человека?

Если цель публикации – удовлетворение любопытства читателей, то насколько она может считаться правомерным вкладом в обсуждение вопросов общественной значимости? Конечно, можно возразить, что содержание статьи является общественно важной информацией, так как содержит сведения, указывающие на возможного преступника, то есть на человека, которого стоит опасаться. Но, во-первых, суд еще не вынес окончательного решения, следовательно, на истца распространяется презумпция невиновности. Однако суд в своем решении не остановился на

данном вопросе и посчитал действия журналиста законными, а жалобу заявителя не подлежащей удовлетворению. С нашей точки зрения, это не совсем верно.

Пример 4. Следующий судебный случай посвящен распространению недостоверной информации.

В 2012 году в Самарский районный суд обратился однопартиец лидера КПРФ Геннадия Зюганова, гражданин Р., с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 3744/2012, www].

В одном из номеров газеты «Репортер» была опубликована статья под названием «Зачем коммунистам капитал?» В данной статье, по мнению истца, содержатся недостоверные сведения, порочащие его доброе имя и репутацию. За недобросовестное отношение к изложенным фактам истец просит выплатить компенсацию морального вреда.

Истец считает недостоверными следующие предложения: «В списке кандидатов в депутаты губернской думы от КПРФ фигурируют личности с сомнительной репутацией. В этом уверены руководители профсоюзных и ветеранских организаций, которые направили обращение лидеру КПРФ Геннадию Зюганову с просьбой исключить из числа кандидатов бизнесмена Р. Его имя связывают с банкротством нескольких крупных заводов, на которых трудились десятки тысяч людей» (предложение №1). Из этого абзаца вытекает суждение, что тот, кому посвящена статья – человек с сомнительной репутацией, что якобы подтверждают и другие эксперты. Помимо прочего, утверждается, что истец является причиной банкротства крупных заводов и потери служащих своих рабочих мест.

Для убедительности в статье была опубликована фотография истца с подписью «Р. похоронил не одно промышленное предприятие» (предложение №2). Истец считает слова оскорбительными, а опубликование фотографии нарушением 152.1 ГК РФ, согласно которой обнародование и

дальнейшее использование изображения допускается только с согласия гражданина [ГК РФ 30.11.1994, www].

Из приведенных выше и других цитат истец полагает, что автор статьи злоупотребил своими профессиональными правами, согласно статье 10 ГК РФ и статье 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Помимо этого, публикация в целом, нарушает нормы 51 статьи Закона РФ «О СМИ», согласно которой журналист обязан проверять достоверность сообщаемых сведений и не может использовать свое служебное положение с целью опорочить гражданина.

Представитель ответчика с обвинениями истца не согласен.

По данному делу была проведена судебно-лингвистическая экспертиза на предмет исследования содержательно-смысловой направленности текста. Она пришла к следующим выводам. В публикации присутствует порочащая честь, достоинство и деловую репутацию истца информация, создающая образ нечестного человека, разорившего несколько крупных предприятий. Что касается предложения №1, то с помощью анафористических связей целого фрагмента можно установить, что речь идет именно об истце и данная информация, безусловно, подрывает профессиональную деятельность гражданина.

Фраза № 2 порочит честь, достоинство и деловую репутацию истца. Всю негативную информацию расположили в одном слове – «похоронил». Это слово имеет контекстное значение «способствовал полному уничтожению». Данное предложение представлено в форме утверждения. Представитель ответчика не предоставил доказательств, что «Р.» способствовал полному уничтожению, каких либо предприятий.

Суд, рассмотрев материалы дела, пришел к выводу, что обвинения подлежат частичному удовлетворению по следующим причинам. Как следует из 152.1 ГК РФ, журналист вправе распространять фотографии без согласия гражданина, если распространение изображения затрагивает общественные интересы. В этом случае журналисты выполняют свой профессиональный

долг по информированию граждан. Поэтому по данной части в компенсации морального вреда отказано. Что касается фраз №1, №2 и некоторых других, суд вынес решение признать их не соответствующими действительности, так как ответчики не смогли доказать обратное. Суд постановил взыскать с газеты компенсацию морального вреда.

Наши комментарии. В данном случае журналисты не предоставили суду документы, официальные сведения, по которым они писали материал. То есть не было таких данных, которые бы подтверждали, что описываемые журналистом события действительно имели место. Согласно 152 статье ГК РФ обязанность доказывать сведения на момент их правдивости лежит на ответчике [ГК РФ 30.11.1994, www]. Ответчики такие доказательства не предоставили – следовательно, решение суда не может быть вынесено в их пользу. Мы согласны с решением суда.

Пример 5. Следующий случай произошел в 2017 году в Белгородской области. Газета «Наша жизнь» (№ 6-7 от 28 января) опубликовала статью под названием «Про кирзачи и фуфайку, или «Второй заход» во власть А.С.Власова, предварительные итоги». Депутат городской Думы В. Саенко обратился в суд с заявлением, что в тексте данной публикации, написанной главным редактором А.С. Власовым, содержатся высказывания, а именно: «крикун» и «сплетник», которые направлены против него и являются унижением его чести и достоинства. Заявитель просит суд возбудить уголовное дело в отношении Саенко по ч. 2 ст. 130 УК РФ [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 4543/2017, www] .

Главный редактор Саенко виновным себя не считает, утверждая, что в его действиях не было умысла оскорбить личность Власова А.С., и поясняет, что данные выражения он относил именно к профессиональной деятельности А.С. Власова, а вовсе не к личности.

Рассмотрев материалы дела, суд вынес решение об отмене уголовного дела в связи с отсутствием в деянии редактора Саенко состава преступления. Суд, оценивая оспариваемые заявителем сведения, пришел к выводу, что они не выражены в неприличной форме и не унижают честь и достоинство Власова, так как указанная статья является критической публикацией, касающейся деятельности потерпевшего как должностного лица, занимающего высший пост в органах местного самоуправления. К тому же правомерность публикации, её общий контекст и содержание не оспариваются потерпевшим. Следовательно, изложенные в статье факты соответствуют действительности. Эпитеты «крикун» и «сплетник» не являются нецензурными и грубыми выражениями, они широко используются в межличностном общении и в средствах массовой информации. Следовательно, выражение «позиция крикуна и сплетника» не является неприличным по форме.

Экспертное заключение по данному делу предоставил руководитель кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности М. Федотов. По мнению эксперта, объективно оскорбление (ст. 130 УК РФ) имеется лишь в том случае, если отрицательная оценка опирается на сведения, не соответствующие действительности. Однако приведенные в статье В. Саенко сведения А. Власов не оспаривал.

Таким образом, суд пришел к выводу прекратить уголовное дело в отношении В. Саенко в связи с отсутствием состава преступления.

Наши комментарии. Можно, что главным в рассматриваемом споре является именно отсутствие оспаривания публикации в аспекте ее правомерности, общего контекста и содержания. Так как изложенные в статье факты не оспариваются потерпевшим, следовательно, они соответствуют действительности, и, значит, эпитеты «крикун» и «сплетник» нельзя признать по данному делу оскорблением по изложенным выше основаниям.

Пример 6. Рассмотрим еще одно решение, касающееся защиты чести и достоинства. На интернет-сайте «Союзникъ» была выложена целая серия статей автора Бородин под следующими заголовками: «Депутат убегает от народа»; «Равноправие для избранных», «Науськали Бобика (фальшивый пикет фальшивого «Равноправия») и другие.

Истец Евстигнеев С.И., депутат городского Собрания, по данным публикациям выступил с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также с требованием компенсации морального вреда, утверждая, что опубликованные сведения не соответствуют действительности. Просит взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в сумме 10 000 000 руб. [База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 5432/2016, www].

Он указывает следующие порочащие честь и достоинство сведения:

«...С. И. Евстигнеев презрительно проходит мимо мокнувших под дождем стариков. Ему они не интересны. Его в теплом зале ждет основная работа: “пилить бабки и делить пирог”. Для этого он и шел, надо полагать, в депутаты и вступал в партию власти. А вот реальные заботы избирателей, их нужды, увы...».

В статье «Партия власти: на хрена козе баян?»: «Вспомним «Дракона» Шварца. Кроме “обычных”, так сказать, карьеристов и приспособленцев, олигархов-кровососов и капиталистов-мошенников, есть еще и “первые ученики”... Сегодня отметим пока только еще одного: это депутат городского Собрания Сергей Иванович Евстигнеев. Этот тоже – из первых учеников, по Шварцу. Из самых, так сказать, гибких в определенном месте...», «Сергей Евстигнеев просто трусливо повернулся спиной к пикетчикам и убежал».

Представитель истца – Зварич И. В., действующая по доверенности от считает требования обоснованными, просит иск удовлетворить. Поясняет, что распространение этих сведений причинило истцу глубокие нравственные

страдания, так как он был вынужден оправдываться перед знакомыми, прочитавшими текст. Истец, являющийся депутатом городского Собрания г. Магнитогорска, показал себя как человек, надлежащим образом исполняющий свои служебные обязанности, что подтверждается благодарственными письмами различных организаций. Такие слова в его адрес являются провокацией и ложью.

Ответчик, редактор, учредитель и редактор интернет-издания Бородин В. Д., исковые требования Евстигнеева С. И. не признал, считая, что в указанных статьях он, как журналист, высказал свое мнение о депутате Евстигнееве С. И. не в оскорбительной форме. У него, как у журналиста есть право на свое мнение и на свободу слова, что провозглашает статья 10 Конвенции по правам человека и основных свобод. Так как Евстигнеев С. И. является общественным деятелем, его деятельность, как и деятельность другого руководителя, может быть подвергнута критике.

Рассмотрев материалы дела, суд считает, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по телевидеопрограммам, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться распространением. Но так как сведения были выложены в сеть интернет, это можно расценить как способ распространения информации.

Суд считает, что утверждения о фактах, содержащихся в распространенных сведениях, возможно проверить на соответствие действительности, в то время как оценочные суждения, мнения, убеждения, проверить на соответствие действительности невозможно, они не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ. Такие сведения являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика.

Суд считает, что фразы: «...С. И. Евстигнеев презрительно проходит мимо мокнущих под дождем стариков. Ему они не интересны. Его в теплом зале ждет основная работа: «пилить бабки» и делить пирог». Для этого он и шел, надо полагать в депутаты и вступал в партию власти. А вот реальные заботы избирателей, их нужды, увы...»; «повернувшись спиной к народу, депутат Евстигнеев убежал...»; «Господину Евстигнееву, начальнику ложного «Равноправия»...» в статье «Депутат убегает от народа «Равноправие» для избранных» – невозможно проверить на соответствие их действительности. Эти фразы являются выражением субъективного мнения автора.

Суд принимает во внимание ссылки ответчика на ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая предоставляет каждому человеку право свободно выражать свое мнение.

Суд считает, что пределы свободе выражения мнения установлены ч. 1. ст. 21 Конституции РФ: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Данная публикация была отдана на оценку эксперту-лингвисту, который увидел во фразе: «Бобик С. Евстигнеев – как говорится, первый ученик. Наиболее старательный в этой своей основной бобичьей функции. И, соответственно, наиболее бездарный в сути политика...» оскорбительно-унизительный образ так называемого Бобика – верного пса, бездумно исполняющего прихоти и желания своего хозяина. Журналист дает именно такую оценку личности депутата Евстигнеева С. И., искусственно формируя оскорбительную ассоциативную связь.

Также эксперт указывает, что на фоне обнаружения в стане политических оппонентов порядочных людей характеристика личности и деятельности Евстигнеева С. И. выглядит особенно оскорбительной и уничижительной. Его деятельность описывается как никчемная: «кулечки детишкам раздавать», «тявкать на улицах», «и бежит науськанный Бобик»... Во всех публикациях, считает эксперт, содержатся элементы речевой

агрессии – языковые средства, выражающие оскорбительное, презрительное отношение к личности и деятельности Евстигнеева С. И.

Негативный оценочный фон создается автором публикации для того, чтобы представить одного из членов партии «Единая Россия» С. И. Евстигнеева ничтожной личностью и никчемным общественным деятелем. Эта оценка содержится в прозрачной по циничности метафоре, оценивающей депутата одним «из самых, так сказать, гибких в определенном месте» (продолжение образа партии «виляющей задней частью хребта»).

В соответствии со ст. 56 ГПК РФ каждая сторона обязана представить суду доказательства в подтверждение своих требований и доводов. Таких доказательств предоставлено не было, поэтому суд решил иски требования Евстигнеева С. И. удовлетворить частично.

Интернет-издание в течение 10 дней на своем портале обязано опубликовать опровержение, а также выплатить истцу компенсацию морального вреда в размере 30 000 рублей.

Наши комментарии. Чтобы суд удовлетворил иск о защите чести и достоинства, а также выплатил моральную компенсацию, необходимо учесть следующие три момента: 1. Текст материала должен относиться к конкретному лицу, то есть потерпевшему; 2. Должно присутствовать наличие негативного элемента в тексте материала; 3. Должна быть возможность верификации сведений на предмет соответствия их действительности. На этом последнем этапе эксперту-лингвисту важно отсеять утверждения о фактах, которые можно проверить, от мнений, оценок и предположений автора публикации. Таким образом, суд рассматривает только ту информацию, что написана в форме утверждения (наличие такой информации определяет эксперт-лингвист), если информация окажется не соответствующей действительности, только в этом случае гражданин может рассчитывать на выигрыш дела. В данном случае, как видим, суд лишь частично удовлетворил требования истца.

Однако и с точки зрения эксперта-лингвиста, и с нашей точки зрения во всех статьях содержатся высказывания, оскорбляющие честь и достоинство истца, подрывающие его деловую репутацию в обществе и противоречащие нормам ведения политической и иного вида полемики в цивилизованном обществе. Поэтому если бы истец обратился в Общественную коллегию, он почти наверняка «выиграл» бы «дело». Здесь мы видим различие между юридическими и судебными оценками.

Выводы по параграфу:

1. До середины 80-х годов судебные иски к СМИ о защите чести и достоинства встречались крайне редко. Причина проста – в глазах судей авторитет СМИ был непререкаем и не шел ни в какое сравнение с правами и законными интересами отдельных граждан. В конце 80-х годов ситуация поменялась: пресса поверила в провозглашенную гласность, стремительно увеличилось число судебных дел и удовлетворенных исков. В последующие годы активность граждан по защите чести, достоинства и деловой репутации возросла быстрыми темпами. При этом доля удовлетворенных исков снизилась, и только часть дел заканчивалась вынесением решения.

2. В погоне за «ярким» сюжетом и за скоростью производства контента журналисты могут не разобраться в достоверности сообщаемых сведений, хотя это противоречит 49 статье Закона РФ «О СМИ», согласно которой журналисты обязаны верифицировать информацию [Закон РФ «О СМИ» 27.12.1991, www]. Значит, можно говорить о превышении журналистами своих профессиональных прав.

3. Что касается разглашения персональных данных, то здесь можно сказать, что право на собственное изображение – одно из основополагающих личных неимущественных прав, которое наряду с другими правами является одной из важнейших составляющих частной жизни человека и гражданина. При этом в СМИ зачастую используют изображения без согласия самого гражданина, руководствуясь правом на свободу выражения.

4. Столкновение права на свободу выражения и права на частную жизнь часто является предметом спора в судебной практике. Представители СМИ могут пользоваться своеобразной лазейкой закона и представлять порочащую гражданина информацию как оценочные суждения.

6. Важным, по мнению суда, является принцип соблюдения баланса общественного интереса к частной жизни персоны и ее законного права на защиту частной жизни. По мнению Европейского суда, общественный интерес публики должен уступать требованиям личности на защиту частной жизни. Однако важно установить степень вмешательства прессы в личную жизнь «видных» лиц (политических и общественных лидеров, чиновников разной категории). Кроме того, необходимо четко проводить отличия между фактами, способными быть полезными для общества, и обнародованием личных подробностей частной жизни лица. В первом случае СМИ выполняют роль «сторожевого пса», то есть обеспечивают аудиторию информацией, представляющий общественный интерес, а во втором – такой роли не выполняют, и речь идет лишь об удовлетворении любопытства определенного круга лиц.

В силу того, что, как показало исследование, наиболее частотными являются иски, направленные на защиту частной жизни, чести и достоинства, личного изображения, сформулируем, исходя из позиции Европейского суда, несколько *критериев*, которые помогут в каждом конкретном случае понять, было ли вмешательство в частную жизнь правомерным или нет:

1. *Каков статус лица, чье право на частную жизнь нарушено?*

Иными словами, является ли это лицо публичной фигурой. Однако одного лишь факта, что лицо, в частную жизнь которого вторглись, является «общественной фигурой», недостаточно для того, чтобы оправдать такое вмешательство.

2. *Имелся ли общественный интерес (необходимость) в раскрытии этих сведений?*

Можно задать себе следующие вопросы:

- Внесло ли раскрытие информации о частной жизни вклад в решение какого-либо общественно значимого вопроса, или публикация преследовала лишь цель удовлетворения любопытства определенной круга читателей к подробностям частной жизни лица?

- Присутствовал ли общественный интерес в раскрываемой информации в тот момент, когда она была распространена?

3. *При каких обстоятельствах было произведено вторжение в частную жизнь?*

Важны обстоятельства получения изображений персоны: знал ли изображаемый о возможной фото-, видеосъемке его персоны в определенный момент, мог ли предполагать вторжение в его личную жизнь, либо изображение получено тайно, в обстоятельствах преследования изображаемого. В случаях, если изображаемый мог предполагать об отсутствии необходимой доли приватности, например, находился в общественном людном месте, ему, скорее всего, не приходится рассчитывать на защиту права на собственное изображение. В тех случаях, когда изображение получено втайне от лица, практика указывает, что суд признает нарушение права на собственное изображение. Представим результат в таблице 2.3.

Таблица 2.3.

Критерий баланса	Право на уважение частной жизни	Свобода выражения мнения
Критерий места		
Общественное место	-	+ Могут быть исключения
Необщественное место	+	-

Характер распространяемой информации		
Информация представляет общественный интерес	-	+
Информация не представляет общественный интерес	+	-
Статус лица, защищающего частную жизнь		
«Публичная фигура»	-	+
Частное лицо	+	-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже было сказано, известно, деятельность журналиста регламентируется, прежде всего, в двух сферах: правовой и профессионально-этической. При этом в каждой из них существуют свои проблемы, которые выражаются в конкретных нарушениях, допускаемых работниками СМИ.

Соответственно, помимо судебных органов защиты, есть еще и независимые организации, которые осуществляют саморегулирование журналистики и разрешение информационных конфликтов на этической основе. В России сегодня это, в первую очередь, Общественная коллегия по жалобам на прессу при Союзе журналистов Российской Федерации.

Обращения граждан именно в Общественную коллегия пока еще достаточно немногочисленны, в силу недостаточной развитости в нашей стране гражданского общества. Тем не менее постепенно их число растет, несмотря на то, что решения заседаний Общественной коллегии, как известно, не имеют обязательного характера и являются, по сути, только нравственными оценками, выносимыми представителями Коллегии, которые, в свою очередь, опираются на положения профессионально-этических кодексов.

В связи с этим нередко возникает вопрос: почему, в таком случае, граждане все же обращаются в Общественную коллегия, несмотря на то, что даже при удовлетворении их жалобы они не получают никакого практического результата? Судя по всему, читатели (а также зрители, слушатели) прежде всего, хотят для себя самих прояснить, насколько растяжимы рамки этического поведения журналиста, есть ли в нашей стране сегодня тенденции формирования действительно ответственной журналистики? Кроме того, это и возможность воздействовать на этот ход событий хотя бы тем, что при удовлетворении жалобы представителя аудитории репутация СМИ, без сомнения, будет не так чиста, как раньше.

При этом стоит обратить внимание на печальную «традицию», а именно: игнорирование многими СМИ заседаний и, соответственно, мнения Общественной коллегии даже при рассмотрении и обсуждении информационного спора, возникшего по их материалу. Хотя это не судебное разбирательство, где выносятся наказания, здесь нет «ответчиков» и «истцов», но значимость подобных заседаний и работы Общественной коллегии в целом очень велика. Здесь осмысливаются границы морально-этического аспекта для того, чтобы журналист четко понимал, в каких случаях он выходит за их рамки. То есть задача данных заседаний и, в целом, работы Общественной коллегии, не только и даже, может быть, не столько состоит в каком-то моральном наказании и порицании, сколько в содействии указанному процессу формирования нравственной и ответственной журналистики в нашей стране.

Во второй главе нами были подробно рассмотрены судебные иски и решения Общественной коллегии, касающиеся нарушений журналистами правовых и этических норм. Основные претензии, предъявляемые к СМИ, заключаются, во-первых, в нарушении принципа объективности (достоверности) информации: публикация непроверенных фактов, односторонняя трактовка ситуации, неотделение фактов от мнений. Нарушение этого принципа, как правило, тесно связано с нарушением прав личности: недостоверная умышленная и неумышленная диффамация, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию; нарушение неприкосновенности частной жизни, разглашение личной и семейной тайны.

К сожалению, число таких нарушений, особенно касающихся чести и достоинства граждан или разглашения персональных данных, в нашем нестабильном российском обществе имеет тенденцию к росту.

Поэтому журналистам следует тщательней проверять факты перед публикацией, особенно касающиеся конкретного человека, глубже изучать законодательство и правильно расшифровывать некоторые его положения,

чтобы не только не наносить ущерб личности, но и самим избежать обвинительных приговоров и денежных трат.

В подобных нарушениях проявляется не только личная недобросовестность того или иного журналиста, но часто и обычная правовая или этическая неграмотность. Например, сплошь рядом, как мы выяснили, журналисты путают понятия «общественного интереса» и «общественного любопытства», поэтому допускают ошибки, публикуя материалы о частной жизни известных людей. Мнения большинства журналистов о том, что является «частной жизнью» конкретного человека, часто сводятся к представлению об интимных подробностях его жизни. Однако Конституционный суд России расценивает это понятие предельно широко: «область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только него и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [Конституционный Суд РФ, [www](http://www.kdsrf.ru)]. Из этого следует, что любая информация, которая относится к конкретному человеку, его отношениям в семье, в быту, на работе, может быть расценена как информация о частной жизни (то есть к такой информации можно отнести фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес проживания, национальную и религиозную принадлежность, философские убеждения, его изображение и так далее).

Отсюда можно сделать вывод о том, что в нашем обществе пока ещё до конца не осознана ценность частной жизни, личной и семейной тайны человека. Не всегда журналисты надлежащим образом проверяют факты на соответствие действительности, не всегда спрашивают разрешения на публикацию фотографий и сведений, касающихся сферы частной жизни граждан, тем самым нарушая и законодательство, и профессионально-этические нормы.

Соответственно, в данном направлении еще предстоит большая работа, которая включает как повышение этической и правовой грамотности самих журналистов, так и совершенствование законодательства и

профессионально-этических кодексов. А также, как уже было сказано, развитие принципов и механизмов гражданского общества, так как во многом именно инициатива аудитории, отстаивание ею своих законных прав помогает журналистам осознать свою ответственность, вводит их, пусть сначала принудительно, в нужные правовые и этические профессиональные рамки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапов А. Б. Основы федерального информационного права России. М.: Экономика, 1995. 219 с.
2. Актуальные проблемы саморегулирования СМИ / под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2005. 628 с.
3. Антонов-Овсеенко А. А. Цензура печати в революционной России (март-октябрь 1917 г.) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. 2013. № 30. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/030/07_30.pdf (дата обращения: 11.06.2019).
4. Белашова М. С. Некоторые соображения по вопросу о составе фактов, входящих в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 172-175.
5. Белашова М. С. Особенности распределения обязанностей по доказыванию в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 199-203.
6. Беспалова А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский [и др.]. М. – Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2004. 432 с.
7. Волгин И. Персональные данные. М.: Время, 2014. 185 с.
8. Ворошилов В. В. Журналистика : учебник. 2-е изд. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2000. 360 с.
9. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 217 А (III)). М.: Проспект, 2018. 8 с.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019) // Сборник основных законов РФ. Режим доступа: <https://fzrf.su/kodeks/gk-1/> (дата обращения: 09.03.2019).

11. Декрет о Революционном трибунале печати 28 января (10 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [сайт]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-01-28.htm> (дата обращения: 05.05.2019).
12. Декрет о революционном трибунале печати 28 января (10 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [сайт]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-01-28.htm> (дата обращения 14.04.19).
13. Дзялошинский, И. М. Профессиональная этика журналиста. М.: Юрайт, 2017. 412 с.
14. Европейский Суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ рекомендации / под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evropeyskiy-sud.ru/sayt-evropeyskogo-suda.html> (дата обращения: 01.10.2019).
15. Есин Б. И. История русской журналистики (1703 – 1917). М.: Наука, 2000. 186 с.
16. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / [пер. с англ.: В. Софронов]. М.: Худож. журн., 1999. 235 с.
17. Жолудь Р. Профессиональная этика журналиста в социальных медиа: новые вызовы // Вестник ВГУ. 2012. № 1. С. 167-171.
18. Журналист в поисках информации : сб. материалов / под ред. А. К. Симонова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2004. 180 с.
19. Засурский Я. Н. Испытание свободой. Российская журналистика: 1990-2007. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. 557 с.
20. Засурский Я. Н. Средства массовой информации России. М.: Аспект-пресс, 2011. 391 с.

21. История русской журналистики XVIII-XIX веков: учебник для студентов государственных университетов и полиграфических институтов / [В. Г. Березина и др.]; под ред. проф. А. В. Западова. 3-е, испр. изд. М.: Высш. школа, 1973. 517 с.

22. Катенева И. Г. Манипуляции в текстах СМИ как эффективный инструмент политического воздействия и социального контроля (на материале предвыборной кампании 2011 года) [Электронный ресурс] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsii-v-tekstah-smi-kak-effektivnyy-instrument-politicheskogo-vozdeystviya-i-sotsialnogo-kontrolya-na-materiale-predvybornou> (дата обращения: 11.06.2019).

23. Киевские университетские известия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 82. Санкт-Петербург, 1879. С. 279–282.

24. Киричек П. Н. Этика журналиста: учебник / П. Н. Киричек, О. В. Федотова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 140 с.

25. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс] // ТЕХЭКСПЕРТ: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. СПб., 2019. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901854413> (дата обращения: 09.03.2019).

26. Колесникова А. П. Профессиональная этика журналиста // Научно-культурологический журнал. 2008. №10. С. 85-90.

27. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения 14.03.2019).

28. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс

[Электронный ресурс] : справочно-правовая система. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1a349c9b47bf7c4104137be732fbc8640d1b81de/(дата обращения 14.03.2019)

29. Копылов В. А. Информационное право : учеб. пособие для вузов. М.: Юрист, 1997. 469 с.

30. Копылов В. А. Информационное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. 528 с.

31. Корконосенко С. Г. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. 272 с.

32. Корконосенко С. Г. Правовая и этическая культура журналиста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/65.htm> (дата обращения: 09.03.2019).

33. Короченский А. П. «Пятая власть»? : медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 283 с.

34. Короченский А. П. Регулятивная роль медиакритики // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. М., 2004. С. 177-194.

35. Кошечая И. П. Профессиональная этика и психология делового общения / И. П. Кошечая, А. А. Канке. М.: ИД ФОРУМ, НИЦ ИНФРА-М, 2013. 304 с.

36. Кузеванова С. Между частной жизнью и общественным интересом [Электронный ресурс] // Центр защиты прав СМИ. Режим доступа : https://mmdc.ru/news-div/site/news/mezhdu_chastnoj_zhiznyu_i_obwestvennym_interesom/ (дата обращения 12.02.2019).

37. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста : учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.

38. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста как наука и практическая проблема : учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.

39. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 290 с.
40. Международные принципы журналистской этики [Электронный ресурс] // Мои лекции. Режим доступа: <http://mylektsii.ru/6-3679.html> (дата обращения: 11.06.2019).
41. Михайлов С. М. Нормативно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Чебоксары, 2005. 153 с.
42. Монахов В. Право СМИ в России: грани становления // Среда. 1996. № 1. С. 73-75.
43. Московская хартия журналистов. Декларация [Электронный ресурс] // Общественная коллегия по жалобам на прессу [сайт]. М., 2005. Режим доступа: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/758-moskovskaya-khartiya> (дата обращения: 11.06.2019).
44. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (ред. от 27.04.1959): Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
45. О внесении изменений и дополнений в некоторые Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.1995 N 6 (ред. от 24.02.2005, с изм. от 05.11.1998) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6744/(дата обращения: 11.06.2019).
46. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21.07.1994 «1-ФКЗ» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13.– Ст. 1447.
47. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ

от 18.08.1992 N 11 (ред. от 25.04.1995) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 16.01.2019).

48. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ дата обращения 16.01.2019)

49. О печати и других средствах массовой информации: закон СССР от 12.06.1990 N 1552-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=59#016376058146196715> (дата обращения 20.01.2019).

50. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система . Режим доступа: <https://base.garant.ru/1795394/> (дата обращения 12.01.2019).

51. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 06.06.2019) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/(дата обращения 13.02.2019).

52. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 //КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 28.01.2019)

53. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
54. Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://presscouncil.ru> (дата обращения: 02.03.2019).
55. Освещение частной жизни в СМИ / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Элист, 2010. 114 с.
56. Паламарчук А. Надзор за исполнением за законодательством о персональных данных в сети Интернет // Законность. 2010. № 12. С. 3-5.
57. Панченко А. О. Регулирование и саморегулирование журналистской деятельности: теория и прагматика [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-i-samoregulirovanie-zhurnalistskoj-deyatelnosti-teoriya-i-pragmatika> (дата обращения: 11.06.2019).
58. Письменная Е.В. Профессиональная этика в деловой прессе. М.: Хроникер, 2004. 174 с.
59. Поздникин П. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс // Известия высших учебных заведений. Общественные науки. 2010. № 3. С. 38-44.
60. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Медея, 2004. 328 с.
61. Правовые и этические нормы в журналистике / сост. Е. П. Прохоров, Г. М. Пшеничный, В. М. Хруль. М.: Аспект Пресс, 2009. 230 с.
62. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2005. 366 с.
63. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики: учебник для вузов. М.: Издательство Московского ун-та, 2002. 352 с.

64. Рыбина Е. О. Конституционное право на самозащиту от посягательств честь, достоинство и репутацию // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 133-136.

65. Саморегулирование средств массовой информации / М. Берлин, Г. Вычуб, И. Кумылганова [и др.]. М.: Ин-т проблем информационного права, 2005. 478 с.

66. Саттарова А. А. Проблемы функционирования Интернета: анализ законодательства и практики // Юридический мир. 2009. № 12. С. 27-30.

67. Свобода доступа к информации в России: правовые, организационные, профессиональные проблемы / сост. И. Дзялошинский. М.: Изд-во Комиссии по свободе доступа к информации, 1997. 256 с.

68. Скалон Н. Зачем общественники и журналисты создали в Сибири коллегия по жалобам на прессу? [Электронный ресурс] // Алтапресс: новости Барнаула и Алтайского края. Барнаул, 2001-2019. Режим доступа: <https://altapress.ru/zhizn/story/zachem-obshchestvenniki-i-zhurnalisti-sozdali-v-sibiri-kollegiyu-po-zhalobam-na-pressu-180819> (дата обращения: 11.06.2019).

69. Толкачев К. Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. СПб., 1998. 360 с.

70. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2019).

71. Федотов М. А. Правовые основы журналистики : учебник для вузов. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. 432 с.

72. Федотов М. СМИ в отсутствии Ариадны. Попытка юридического комментария в лабиринте законов и практики // Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. М., 1996. С. 182-291.

73. Харати М. Путеводитель по саморегулированию СМИ: все вопросы и ответы [Электронный ресурс] / под ред. А. Улен, Дж. Смита. Вена, 2008. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book287.pdf> (дата обращения: 11.06.2019).

74. Хартия телерадиовещателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oshibok-net.ru/for-journalists/beginners/kodeks-jur/> (дата обращения: 02.02.2019).

75. Шумекеева Г. Б. Защита персональных данных как одна из проблем современного мира // Право: современные тенденции: материалы VI Междунар. науч. конф. (Краснодар, октябрь 2018г.). Краснодар: Новация, 2018. С. 47-49.

76. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КНОРУС, 2010. с. 73.

77. Kaplar R. The Government Factor. Undermining Journalistic Ethics in the Information Age / Richard T. Kaplar, Patrick D. Maines. Washington: Cato Institute, 1995. 100 p.

78. Nikonov S. Information society in its function as an object of directed influence of noopolitics // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 27. P. 241-246.

79. Rupar V. Getting the Facts Right. Reporting Ethnicity and Religion. Brussels: International Federation of Journalists, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.media-diversity.org/documents/b-studies-reports/EJI_study_FINAL%20for%20Web.pdf. (дата обращения: 14.02.2019).

80. The Ofcom Broadcasting Code. Section Five: Due Impartiality and Due Accuracy and Undue Prominence of Views and Opinions. 5.9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0024/86307/bc2015-07-section_5_due_impartiality.pdf. (дата обращения: 14.10.2017).

Эмпирическая база:

1. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело №5-84/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.media-pravo.info/case/902>
2. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело №1164/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.media-pravo.info/case/902>
3. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 1985/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.media-pravo.info/case/1777>
4. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 3744/2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media-pravo.info/case/1020>
5. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 1169/2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.media-pravo.info/case-resolution/view/id/1197>
6. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 4543/ 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media-pravo.info/case/10>
7. База данных российской судебной практики по информационному праву. Дело № 5432/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.media-pravo.info/case-resolution/view/id/1740>
8. Дело «Кудерк и компания «Ашетт Филипакки ассосье» (Couderc and Nachette Filipacchi Associates) против Франции» (жалоба № 40454/07) [рус., англ.]: Постановление ЕСПЧ от 10.11.2015 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 8. С. 111–138.
9. Дело News International [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_News_International (дата обращения: 20.05.2019).

10. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 18 февраля 2016 г. № 131 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://presscouncil.ru/praktika/rassmotrennye-zhaloby/5140-zhaloba-na-statyu-gde-iskat-pravdu-v-aif?showall=&start=1>

11. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2018 г. № 185 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presscouncil.ru/novosti/5955-zasedanie-kollegii-po-zhalobe-na-statii-o-vrede-palмового-masla-na-sajte-svobodnaya-pressa>

12. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2017 г. № 157 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5140-zhaloba-na-statyu-gde-iskat-pravdu-v-aif?start=7>

13. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2018 г. № 183 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presscouncil.ru/praktika/postupivshie-zhaloby/5926-zhaloba-na-statyu-o-stroitelstve-khrama-na-sajte-telekanala-dozhd?showall=&start=3>

14. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2017 г. № 160 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5849-zhaloba-na-programmu-pervogo-kanala-vremya-pokazhet>

15. Общественная коллегия по жалобам на прессу при СЖ РФ. Жалоба 2016 г. № 141 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5361-zhaloba-na-dokumentalnyj-film-bremya-tsygan-telekanala-rossiya-1?start=7>

Выпускная квалификационная работа выполнена мной совершенно самостоятельно. Все использованные в работе материалы и концепции из опубликованной научной литературы и других источников имеют ссылки на них.

«___» _____ 2019 г.

Подпись

ФИО